ДОКТОР ПЁТР СОЙФЕР

БИОЛОГИЯ ИДЕЙ

От колыбели до забвения

Петр Сойфер
Биология идей

https://litres.ru/74702208
SelfPub; 2026

Аннотация

Почему одни идеи живут тысячелетиями, а другие не переживают и недели? Автор предлагает неожиданный взгляд: идеи — живые существа. Они рождаются и умирают, питаются и размножаются, болеют и приспосабливаются, образуют экосистемы и вымирают, как динозавры.

Эта книга — биография идей от колыбели до забвения. Вы узнаете, почему медитация в вашем смартфоне — прямой потомок ученика Будды, сидевшего под деревом двадцать пять веков назад; что общего у древних религий и современных диет; почему идеи-паразиты так заразны и как культурный иммунитет спасает нас от эпидемий смыслов.

Гильгамеш, Авраам, семена Масады и «детокс» в вашем холодильнике — герои одной длинной истории о том, как смыслы рождаются, чтобы умереть, и умирают, чтобы родиться вновь. Для всех, кто хочет понять, почему мы верим в то, во что верим

Петр Сойфер
Биология идей

Доктор Пётр Сойфер
БИОЛОГИЯ ИДЕЙ
От колыбели до забвения

Всё однодневно — и помнящее, и памятное.
Марк Аврелий, «Размышления», IV, 35

Введение. Призраки Шумера в вашем смартфоне

Будильник срабатывает на запястье: фитнес-браслет мягко вибрирует в 6:45, в «лёгкой фазе сна». Вы тянетесь к телефону и открываете приложение для медитации. Спокойный голос под гул тибетской чаши предлагает сделать глубокий вдох, почувствовать тело и проследить за мыслями, не цепляясь за них. Через десять минут приложение сообщает о серии из сорока дней подряд и награждает вас значком.

На кухне завтрака нет: вы держите интервальное голодание, шестнадцать часов без еды и восемь часов «пищевого окна». Пока можно только воду, чёрный кофе или зелёный чай. В холодильнике ждёт бутылка сельдерейного сока с надписью «детокс» и тремя обещаниями: без глютена, без саха-

ра, без консервантов. Вы делаете глоток и чувствуете тихое удовлетворение собой. На краю сознания мелькает вчерашний коллега, при всех съевший на обед бургер с картошкой и колой. Мелькает — и оставляет после себя лёгкое, почти неощутимое презрение.

Ничего особенного. Обычное утро образованного горожанина XXI века.

Теперь отмотаем время.

Около 2100 года до нашей эры правитель шумерского города Лагаш по имени Гудеа видит во сне бога Нингирсу. Бог велит построить ему храм. Прежде чем заложить первый кирпич, Гудеа проводит обряды очищения города. Об этом рассказывают надписи на двух глиняных цилиндрах, хранящихся сегодня в Лувре.

V век до нашей эры, северо-восток Индии. Ученик Будды сидит у корней дерева, выпрямив спину, и следит за дыханием. Вдыхая длинно, он знает, что вдыхает длинно; выдыхая коротко, знает, что выдыхает коротко. Так описывает это упражнение одна из бесед Палийского канона. Цель ученика — не спокойствие перед рабочим днём, а освобождение от колеса рождений и смертей.

Иерусалимский храм. Священник осматривает животное, приведённое для жертвы. Книга Левит перечисляет пороки, недопустимые на жертвеннике: слепота, перелом, язва, парша. Животное с изъяном Бог не примет.

VI век, Италия. Бенедикт Нурсийский пишет устав для

монахов. В Великий пост братья едят один раз в день, вечером. Сверх того каждый по собственной воле отказывает себе ещё в чём-нибудь — в пище, питье, сне или разговорах — и делает это с радостью.

Что общего у вас, с вашим браслетом и сельдерейным соком, с этими людьми?

Проще всего ответить: ничего. Они верили, а мы знаем. Ответ посложнее и помоднее звучит иначе: всё, мы просто сменили религию на здоровый образ жизни. У второго ответа много сторонников, и в нём есть правда. Но я предлагаю третий ответ, и он кажется мне точнее обоих.

Перед нами одни и те же существа. Тысячи лет они переходили из головы в голову, меняли шкуру, приспосабливались к новому климату и новым врагам. Эти существа — идеи.

Идея как живое существо

Главная мысль этой книги проста: идея ведёт себя как живой организм. Это метафора, но метафора-инструмент, а не украшение. С её помощью можно увидеть порядок там, где обычно видят хаос истории и капризы моды.

Что делает живое живым? Учебники биологии называют несколько признаков: обмен веществ, рост, размножение, наследственность, изменчивость, способность отвечать на перемены среды и сохранять внутреннее равновесие. Пройдём по этому списку, держа в уме идею.

Идея питается. Её пища — человеческое внимание, вре-

мя, деньги, силы, а порой и жизни. Шумерский храм получал зерно, средневековая церковь — десятину, приложение для медитации — ежемесячную подписку. Взамен идея отдаёт то, без чего человеку трудно: порядок, спокойствие, чувство принадлежности, надежду. Ресурс входит, продукт выходит — это обмен веществ в самом прямом смысле. Лишившись пищи, идея слабеет и гибнет от истощения.

Идея размножается. Собственных клеток у неё нет, поэтому она пользуется чужими. Рассказ, книга, проповедь, пост в соцсети переносят её из головы в голову, и каждый новый носитель становится новой копией.

Идея наследует и мутирует. Копирование никогда не бывает точным. Переписчик ошибается, переводчик выбирает другое слово, проповедник расставляет иные акценты. Еврейское «альма», «молодая женщина», в греческом переводе Писания превратилось в «парфенос», «дева». Одна замена слова открыла богословский спор длиной в тысячелетия. Большинство мутаций проходит бесследно, часть губит идею, а изредка мутация оказывается удачной и порождает новый вид. Ересь — это мутация, которой повезло или не повезло.

Идея защищается — и делает это всеми доступными способами. Любая живая система хочет одного: выжить. Чтобы выжить, она должна непрерывно отслеживать угрозы. Иммунная система организма занята именно этим: днём и ночью она отличает своё от чужого, ищет на поверхно-

сти клеток метки опасности и уничтожает всё, что признала враждебным. У идеи есть такой же аппарат, и он работает с той же беспощадной логикой.

Врождённый иммунитет идеи — это табу и отвращение: нечистое отталкивает раньше, чем человек успевает задуматься. Приобретённый иммунитет — это специальные органы распознавания и уничтожения: трибуналы, комиссии, списки, доносы. В XIII веке церковь создала инквизицию для борьбы с ересью катаров и вальденсов. В 1486 году доминиканец Генрих Крамер выпустил «Молот ведьм» [1] — по сути, учебник иммунологии: как распознать врага, как его допросить, как его уничтожить. Учебник выдержал десятки переизданий, а костры горели ещё два столетия.

Особенно яростно иммунная система работает, когда организм чувствует себя под угрозой. Экономисты Питер Лисон и Джейкоб Расс показали, что охота на ведьм была интенсивнее там, где католики и протестанты сильнее всего боролись за души. Реформация стала для Европы временем иммунных бурь. В Варфоломеевскую ночь 1572 года в Париже убивали гугенотов. Но и протестантские организмы защищались не мягче: в 1553 году в кальвиновской Женеве на костёр отправили Мигеля Сервета, отрицавшего Троицу.

Та же логика работает и без всякой религии. Расовая сегрегация искала метку чужого в крови: американское «правило одной капли» объявляло чёрным любого, у кого был хотя бы один африканский предок. Законы Джима Кроу,

нюрнбергские расовые законы 1935 года, южноафриканский апартеид — всё это системы распознавания «своих» и «чужих». Советская власть выявляла «классово чуждые элементы» и лишала их избирательных прав. В Америке 1950-х сенатор Джозеф Маккарти и Комиссия Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности задавали вопрос-антиген: «Состоите ли вы сейчас или состояли ли когда-либо в коммунистической партии?» Сотни людей потеряли работу, Голливуд составлял чёрные списки.

У всех этих иммунных систем общая формула, и она очень стара. «Кто не со Мною, тот против Меня», — говорит Иисус в Евангелии от Матфея. Почти двадцать веков спустя её повторяют политики самых разных стран. Формула не оставляет нейтральной полосы: всякий, кто не опознан как свой, автоматически становится чужим. Как и настоящий иммунитет, иммунитет идеи часто ошибается. Он принимает безобидное за опасное, нападает на собственные клетки и в цитокиновом шторме губит самого хозяина. Сегодня тот же механизм работает быстрее, чем когда-либо, — в массовых «отменах» в соцсетях.

Идея живёт среди соседей. Одни идеи вступают с человеком в симбиоз и делают его сильнее. Другие живут рядом, не помогая и не мешая. Третьи паразитируют: раскачивают в человеке страх или жажду статуса и забирают его ресурсы. Встречается и мимикрия. Безобидная муха окрашена как оса, а древнее суеверие надевает белый лабораторный

халат.

Идея проходит возрасты. Как и организм, она переживает детство, зрелость и старость, и в каждом возрасте ведёт себя по-разному.

Молодая идея открыта. Канона ещё нет, границы проницаемы, и она жадно впитывает чужое. Так эмбриональная клетка ещё может стать чем угодно — нервом, мышцей, кожей. Ранние христиане спорили с греческими философами и заимствовали у них язык. Первые буддийские общины обсуждали учение на собраниях, и каждое поколение добавляло что-то своё. В юности идея бедна, гонима, держится на харизме основателя — и именно поэтому пластична. Она растёт, обновляется, ищет себя.

Затем наступает зрелость. Идея обрастает зданиями, уставами и бухгалтерией. Споры заканчиваются соборами, учение — закрытым каноном. Клетки дифференцировались, и обратного пути у них нет. Стабильность даёт идее силу и долголетие, но платить за неё приходится гибкостью. Постепенно стабильность переходит в стагнацию.

Гериатры называют это гомеостенозом: стареющий организм выглядит здоровым, но запас его приспособительных сил тает, и любая непривычная нагрузка становится опасной. Стареющая идея переживает то же самое. Она всё хуже слышит реальность. Ритуал исполняется по привычке, без понимания зачем. Слова произносятся на языке, которого паства уже не знает. Форма сохраняется безупречно, а содержание

выцветает, как ткань на солнце. Антрополог Алексей Юрчак [2] описал поздний советский социализм именно так: все повторяли правильные формулы, мало кто в них верил, и система казалась вечной — пока не кончилась.

Когда разрыв между идеей и реальностью становится слишком большим, происходит нечто. Иногда идея умирает. Иногда изнутри неё рождается мутант, и одряхлевший организм даёт начало новому виду: в 1517 году монах Мартин Лютер выступил против торговли индульгенциями, не собираясь раскалывать церковь, — и раскол произошёл. А иногда идея сбрасывает старую кожу и переселяется в новое тело. Этому «нечто» в книге посвящено несколько глав.

Идея умеет спать. В 2005 году израильские учёные проростили финиковую косточку из раскопок крепости Масада. Косточка пролежала в земле около двух тысяч лет, а выросшую из неё пальму назвали Мафусаилом. Идеи тоже впадают в анабиоз. Стоицизм уснул вместе с Римской империей, ненадолго пробудился в эпоху Возрождения и по-настоящему ожил в XX веке, в кабинетах психотерапевтов. Создатели когнитивной терапии прямо ссылались на Эпиктета.

И наконец, идея умирает. Плутарх пересказывает историю кормчего Тамуса. Проплывая у берегов Греции, тот услышал голос, велевший объявить, что умер Великий Пан. Легенду толкуют по-разному, но для нас она звучит как свидетельство о смерти. Олимпийских богов никто не убивал. Они умерли от голода, когда люди перестали их кормить.

Рецепторы смысла

Вирус не может проникнуть в любую клетку. Ему нужен рецептор — особая молекула на поверхности клетки, к которой он способен присоединиться. Нет подходящего рецептора — нет и заражения.

Идея устроена так же. Чтобы прижиться в человеке, ей нужна точка связывания в его психике. Таких точек немного, и все они очень древние. Я описываю их с помощью Матрицы семи осей — инструмента, выросшего из моей клинической работы. Вот эти оси: статус, нормы, страх и угроза, привязанность, рутина, оценка энергии и качество референтных групп.

Каждая ось уходит корнями в биологию. Иерархии существовали у приматов задолго до первого царя. Обезьяны-капуцины возмущаются, когда сосед получает за ту же работу награду получше. Система распознавания опасности старше человечества на сотни миллионов лет. Потребность в привязанности, в предсказуемом распорядке, в ощущении собственных сил и в своей стае тоже досталась нам по наследству.

Другим концом каждая ось выходит в социальную жизнь. Статус превращается в сан, титул и число подписчиков. Нормы — в заповеди, законы и этикет. Страх получает имена: ад, скверна, апокалипсис, токсины. Привязанность находит Бога-Отца, гуру или наставника. Рутина становится литургией, постом или утренней практикой. Оценка энергии го-

ворит языком благодати, маны или «внутреннего ресурса». Референтная группа принимает форму церкви, секты, клуба или онлайн-сообщества.

Матрица служит мостом между биологией и обществом, и идеи живут именно на этом мосту. Слабая идея цепляется за одну ось, мировая религия — за все семь. Симбионт помогает человеку регулировать свои оси. Паразит раскачивает их, чаще всего ось страха, и превращает возбуждение в собственную пищу.

Вернёмся к нашему утру. Монастырский пост и интервальное голодание связываются почти с одними и теми же рецепторами. Оба дают правила, оба задают распорядок, оба отличают дисциплинированного человека от прочих, оба обещают лёгкость и силы, оба собирают единомышленников. Изменился язык объяснения, а точки связывания остались прежними.

Перья для полёта: закон пересборки

Перья появились у динозавров задолго до первого полёта. Скорее всего, они служили для тепла или для брачных демонстраций, и лишь позже эволюция нашла им новое применение. Биологи называют такое явление эксаптацией: старая структура получает новую функцию.

Идеи постоянно делают то же самое. В любой идее можно различить три слоя. Ядро — то, что она реально делает для человека. Мембрана — язык, на котором она объясняет свою пользу. Иммунная система — способ наказывать

отступников. Когда мир вокруг меняется, идея сбрасывает устаревшую мембрану и сохраняет ядро. «Так велели боги» сменяется на «так показали исследования», спасение души — на снижение кортизола, рай после смерти — на долголетие прямо сейчас.

В этом и состоит главный закон книги: мембрана меняется, рецепторы остаются. Поэтому древнее ядро переживает любую смену костюма.

При этом я не считаю пересборку порчей или обманом. Медитация в офисе Кремниевой долины не обязательно опошленный буддизм, а интервальное голодание не обязательно пост для безбожников. Перед нами обычная работа эволюции. Живое либо меняется вместе со средой, либо вымирает.

Бобр и плотина: идея строит свой мир

Если бы идеи только приспосабливались, эта книга была бы короче. Но у живого есть ещё одна способность.

Бобр не просто живёт у реки. Он перегораживает её плотиной, и река превращается в пруд. Меняются берега, растения, рыба — и вместе с ними условия, в которых будут расти бобрята следующих поколений. Биологи называют это конструированием ниши.

Идеи тоже строят свои плотины. Греческие полисы были раздроблены, и у каждого был свой божественный покровитель: Афина у Афин, Гера у Аргоса. Политическая карта Греции отражалась на Олимпе. Когда же огромным импери-

ям понадобилось единство, они стали искать единого бога — от неудавшейся реформы Эхнатона в Египте до Константина и Феодосия в Риме. Здесь идея подстраивается под реальность.

Но верно и обратное. Протестантская привычка читать Библию самостоятельно подняла грамотность в Северной Европе. Монастырский распорядок молитв приучил Европу жить по часам. Представление о правах человека изменило устройство государств. Здесь реальность подстраивается под идею.

Двусторонняя адаптация — второй сквозной закон книги, и мы будем встречать его в каждой части.

Где метафора заканчивается

Честность требует назвать и границы. Идея не организм в буквальном смысле. Собственного тела у неё нет: она живёт в головах, книгах и институтах. Она наследует приобретённые признаки, то есть эволюционирует скорее по Ламарку, чем по Дарвину. И у неё бывают сознательные конструкторы — апостолы, реформаторы, учёные, маркетологи, — тогда как у природы конструктора нет.

Со времён Уильяма Гарвея врачи сравнивают сердце с насосом. Сердце — не насос: оно растёт, болеет, отвечает на гормоны и на страх. Но именно эта модель помогла понять кровообращение лучше любых трактатов о жизненном духе. Метафора живой идеи нужна мне для того же: увидеть закономерности там, где обычно видят только случайность.

Зачем всё это знать

Человек не может жить без идей, как не может жить без микробов в собственном кишечнике. Стерильность здесь невозможна и не нужна. Даже попытка избавиться от всех «старых мифов» сама становится идеей — со своей мембраной, своими рецепторами и своей иммунной системой.

Свобода начинается в другом месте: в умении видеть, кто живёт в нас. Чем питается эта идея? К каким осям она прикрепилась? Что даёт взамен? Как поступает с теми, кто решил уйти? Симбионт она или паразит? В конце книги эти вопросы сложатся в «Паспорт идеи» — инструмент, который можно приложить к чему угодно: к диете, учению, политическому движению или новому сообществу.

Путь будет долгим. Мы начнём с анатомии: из чего состоит идея, чем питается и как связывается с человеком. Затем проследим родословные — от шумерских городов к Аврааму, от индийских аскетов к японскому дзену. Увидим экосистему идей с её паразитами, мимикрией, иммунными бурями и эпидемиями. Проживём вместе с идеями детство, зрелость, сон и смерть. А в конце посмотрим на новых селекционеров — алгоритмы, решающие сегодня, каким идеям выжить.

Пока же вернёмся на кухню. На столе стоит бутылка сельдерейного сока. Сквозь неё на вас смотрит существо, видевшее шумерских жрецов, индийских аскетов и бенедиктинских монахов. Сменив множество шкур и пережив множе-

ство хозяев, сегодня оно живёт в вас.

Часть I. Анатомия живой идеи

Глава 1. Признаки жизни

В феврале 1943 года физик Эрвин Шрёдингер [3] прочёл в Дублине цикл публичных лекций и задал вопрос, редко занимавший физиков до него: что такое жизнь? Не какое-то конкретное живое существо, а само свойство быть живым. Ответ оказался неожиданным. Живое определяется не веществом, из которого оно состоит, и даже не сложностью устройства. Оно определяется тем, что делает: временно противостоит общему сползанию мира к беспорядку, вычерпывая порядок из окружающей среды. Камень просто лежит и остывает вместе со вселенной. Живое сопротивляется.

В этом и состоит первая причина рассматривать идею как живую. Идея тоже сопротивляется распаду. Предоставленная сама себе, любая мысль тускнеет и забывается так же неумолимо, как остывает чашка кофе. Чтобы уцелеть, идея должна непрерывно что-то делать: находить новые головы, повторяться, обрастать ритуалами, наказывать забывчивых. Идея, переставшая работать над собственным выживанием, исчезает за одно поколение. Мы знаем о ней, только если кто-то успел её записать.

Во введении мы прошли по списку признаков жизни бегло, как вдоль витрины. Теперь остановимся и спросим строже: достаточно ли этих признаков, чтобы всерьёз называть идею живой? Или перед нами лишь красивое сравнение, за которым ничего не стоит?

Кривая забывания

Скорость, с какой мысль тускнеет, впервые измерил немецкий психолог Герман Эббингауз [4]. В начале 1880-х годов он несколько лет подряд ставил опыты на единственном испытуемом — на себе. Чтобы память не цеплялась за знакомые слова, Эббингауз составил списки бессмысленных слогов вроде «дак» или «бок», заучивал их до безошибочного повторения, а затем проверял, сколько усилий понадобится на повторное заучивание через час, через сутки, через месяц. В 1885 году вышла его книга «О памяти».

Картина получилась безрадостной. Самая крутая потеря приходится на первые часы: уже через час сберегалось меньше половины затраченного труда, через сутки — около трети. Дальше кривая полого уходит вниз и почти выравнивается. Бессмысленный слог, разумеется, забывается быстрее стиха или молитвы. Но направление движения то же: без повторения всякое запомненное скатывается к нулю.

Главное открытие Эббингауза касалось, однако, не забывания, а его лечения. Каждое новое повторение делало след прочнее, а повторения, разнесённые во времени, работали лучше собранных в один вечер. Идеи знали это за тысячи лет

до лаборатории. Ежедневная молитва, еженедельная служба, ежегодный праздник, присяга перед флагом по утрам, годовщина революции или основания фирмы — всё это интервальные повторения, расставленные по календарю с точностью, которой позавидовал бы сам Эббингауз. Идея, не нашедшая себе места в календаре, скатывается по той самой кривой.

Открытие Эббингауза давно живёт в школьных рюкзаках. В 1970-е годы австрийский журналист Себастьян Лайтнер предложил простую коробку с карточками: правильно названное слово переезжает в следующее отделение и возвращается к ученику всё реже, а забытое снова отправляется в начало. Компьютерные программы интервального повторения и приложения для изучения языков устроены так же: они напоминают о слове ровно тогда, когда след в памяти начинает тускнеть. Ритуал, повторение, напоминание в нужный час — всё, чем монастыри и храмы веками удерживали идеи в головах, теперь умещается в телефоне.

В этом смысле всякий ритуал — работа против энтропии. Шрёдингер сказал бы, что идея «питается порядком», поставляемым ей носителями: их время, их внимание, их память. О том, сколько стоит такое питание и кто за него платит, расскажет четвёртая глава.

Проверка по списку

Биологи давно спорят, что именно отличает живое от неживого. Единого определения нет до сих пор, но учеб-

ники обычно сходятся на коротком наборе: обмен веществ, рост, размножение, наследственность с изменчивостью, реакция на раздражители, поддержание внутреннего равновесия и способность к эволюции. Вирус проходит этот тест лишь наполовину. Собственного обмена веществ у него нет, он пользуется чужим, и поэтому биологи до сих пор не договорились, считать ли его живым. Запомним эту оговорку: идея во многом ближе к вирусу, чем к бактерии.

Примерим список к идее ещё раз, теперь требовательно. Обмен веществ есть: идея потребляет внимание и силы, а отдаёт порядок и смысл. Рост есть: секта из двенадцати учеников становится церковью с миллионами прихожан. Размножение есть, через чужие головы. Наследственность с изменчивостью есть, и мутация по имени «ересь» знакома каждому историку. Реакция на среду есть: идея меняет язык, когда меняется эпоха. Внутреннее равновесие есть, его называют ортодоксией. Способность к эволюции есть, иначе не было бы ни религий, ни наук, ни этой книги.

Все эти признаки можно увидеть на любом детском дне рождения. В 1893 году сёстры Милдред и Патти Хилл, воспитательницы детского сада из Кентукки, напечатали песенку «Good Morning to All» — «Доброе утро всем» [5]. Дети подхватили мелодию и стали петь её с другими словами. В начале XX века «Happy Birthday to You» пели уже по всей Америке, а потом песню перевели на десятки языков. Размножается она без всякой рекламы: каждый ребёнок, полу-

чивший торт со свечами, через несколько месяцев сам поёт её другу. Песня наследуется от родителей к детям и мутирует: в одной семье добавляют шуточный куплет, в другой хлопают по числу лет, в третьей тянут последнюю ноту, пока хватает дыхания. Есть у неё и обмен веществ: она питается праздничным столом, свечами и вниманием гостей. Долгие годы она кормила и издательскую компанию Warner/Chappell, собиравшую около двух миллионов долларов в год за исполнение в кино и на телевидении, пока в 2015 году федеральный суд не признал права компании необоснованными. Песенка из детского сада пережила своих авторов, издателей и юристов, а сидящие за праздничным столом обычно и не знают, кто её написал.

Внутреннее равновесие идеи можно наблюдать в реальном времени. Википедию может править любой, и каждый день кто-нибудь стирает статьи, вписывает в них ругательства или выдумки. В 2004 году исследователи из IBM Фернанда Виегас, Мартин Ваттенберг и Кушал Дэйв проследили историю правок и обнаружили, что непристойные вставки обычно исчезали меньше чем через две минуты, а массовые удаления текста — меньше чем через три [6]. Никто не командует этой обороной: добровольцы следят за любимыми статьями, программы-боты помечают подозрительные правки. Энциклопедия ведёт себя как организм, поддерживающий температуру тела: отклонение замечено — отклонение исправлено. Ортодоксия в этом смысле не косность, а

гомеостаз.

Похожую саморегуляцию легко увидеть в любой семье. Дети, только научившиеся говорить, быстро усваивают домашние правила: где разуваться, как обращаться к бабушке, о чём не говорят за столом. Нарушителя поправят — взглядом, шуткой, замечанием. Через двадцать лет те же дети, став родителями, будут поправлять собственных детей почти теми же словами. Семейный уклад тоже держит своё равновесие и тоже передаётся по наследству.

Ещё нагляднее эти признаки видны на рождественской открытке. В 1843 году Генри Коул, лондонский чиновник, занятый реформой почты, не успевал написать друзьям праздничные письма и заказал художнику Джону Хорсли картинку с готовым поздравлением. Напечатали тысячу экземпляров и продавали по шиллингу. На рисунке семья поднимала бокалы с вином, и поборники трезвости тут же обвинили открытку в развращении детей. Первую мутацию идея пережила, едва появившись на свет.

Дальше она размножалась сама, и механизм размножения у неё оказался почти биологическим. Получивший открытку чувствует себя обязанным ответить, и на следующий год адресат превращается в отправителя. В 1976 году социологи Филлип Кунц и Майкл Вулкотт проверили силу этого механизма: разослали рождественские открытки нескольким сотням совершенно незнакомых людей и стали ждать [7]. Примерно каждый пятый прислал ответ, некоторые — с подроб-

ным рассказом о своей семье, хотя понятия не имели, кто им пишет. Открытка размножается через чувство долга так же надёжно, как вирус через рукопожатие.

Есть у неё и обмен веществ: бумага, марки, вечер, проведённый за подписыванием конвертов. Есть и гомеостаз — список адресатов, годами хранимый в каждой семье. Кто не прислал открытку два года подряд, из списка выпадает, а кто прислал неожиданно, попадает в него. Есть наследственность: дети подписывают открытки вместе с родителями, а потом заводят собственные списки. В одних только Соединённых Штатах каждый декабрь по-прежнему отправляют сотни миллионов открыток, хотя то же поздравление можно бесплатно и мгновенно послать с телефона.

Цифровая среда, конечно, давит на этот вид. Молодые семьи шлют открытки всё реже, и производители жалуются на падение продаж. Но идея приспосабливается так же, как приспосабливались до неё другие: появились открытки с семейной фотографией, напечатанные через приложение, рассылки с видеопоздравлением, сайты, где можно выбрать рисунок и отправить его по электронной почте. Мембрана меняется у нас на глазах. А ядро, ради которого Коул когда-то обратился к художнику, — раз в год напомнить о себе людям, которых давно не видел, — остаётся прежним.

Шейкеры: вид без потомства

Один пункт этого списка лучше всего виден на примере, где он перестал работать. В 1774 году из Англии в Амери-

ку приплыла небольшая группа верующих во главе с дочерью кузнеца Энн Ли. Их прозвали шейкерами, «трясунами», за экстатические танцы во время службы. Учение требовало общности имущества, равенства мужчин и женщин и полного безбрачия. В шейкерских домах было два входа и две лестницы, мужская и женская, чтобы братья и сёстры даже не сталкивались на ступенях.

У общины, отказавшейся от детей, оставался лишь один способ размножения — через чужие головы. Шейкеры принимали обращённых взрослых, а ещё брали на воспитание сирот, часть которых оставалась в общине навсегда. Пока Америку сотрясали религиозные пробуждения, такой способ работал: в середине XIX века в десятках поселений жили, по разным оценкам, от четырёх до шести тысяч человек [8]. Потом волна обращений спала, сирот стало опекать государство, и приток новых носителей иссяк. Поселения закрывались одно за другим. После смерти сестры Фрэнсис Карр в 2017 году в последней действующей общине, в Саббатдей-Лейк в штате Мэн, осталось двое верующих.

Биолог назвал бы такой вид целиком зависимым от горизонтальной передачи. Любая идея распространяется двумя путями: от родителей к детям и от соседа к соседу. Большинство религий пользуется обоими сразу и потому так устойчиво. Шейкеры добровольно отказались от первого пути и оказались во власти второго.

И всё же что-то от них осталось. Шейкерская мебель, про-

стая до аскезы, стоит в музеях и давно стала стилем, который продают и копируют. В 1848 году шейкер Джозеф Брэкетт сочинил танцевальную песню «Simple Gifts», «Простые дары». Спустя столетие Аарон Копленд вставил её мелодию в балет «Весна в Аппалачах» (1944), и теперь её знают миллионы людей, никогда не слышавших об Энн Ли. Вера почти угасла, а её стул и её песня продолжают жить сами по себе. К этой странной форме жизни — мембране, пережившей ядро, — мы вернёмся в главе о рудиментах.

Совпадение слишком полное, чтобы быть случайным. Но полнота совпадения ещё не доказательство. Прежде чем строить на этой метафоре целую книгу, честно спросим: где она ломается?

Где метафора ломается

Первое различие: у идеи нет собственного тела. Клетка носит свой геном в себе. Идея живёт взаймы — в нейронах, на глиняных табличках, на серверах. Уберите все головы и все носители, и идея исчезнет. Бактерию же можно пересадить в новую среду, и она продолжит себя сама. Идея — вечный квартирант. Она ближе к вирусу, которому для размножения нужна чужая клетка, чем к самостоятельному организму.

Второе различие глубже. Живая природа, как её описал Дарвин, не передаёт потомству приобретённый опыт. Кузнец всю жизнь наращивает мышцы, но его сыну сила по наследству не достаётся. Наследуются случайные изменения, а сре-

да лишь отсеивает удачные. До Дарвина думали иначе. Жан-Батист Ламарк полагал, что жираф вытягивает шею, дотягиваясь до листьев, и передаёт удлинённую шею детям. Для животных Ламарк ошибся. Для идей он прав.

Идея наследует именно приобретённое. То, что одно поколение выстрадало, додумало и проверило, оно сознательно передаёт следующему — в книгах, уставах, школах. Открытие не нужно совершать заново: оно уже встроено в наследство. Поэтому идеи эволюционируют скорее по Ламарку, чем по Дарвину, и несравнимо быстрее живой природы. Биологический вид ждёт полезной мутации тысячи поколений. Идее порой хватает одного удачного трактата.

Хороший пример такого наследования стоит на кухонной полке многих американских семей. В 1931 году овдовевшая Ирма Ромбауэр из Сент-Луиса на собственные деньги издала три тысячи экземпляров поваренной книги «The Joy of Cooking» — «Радость кулинарии» [9]. Позже к работе присоединилась её дочь Марион, а затем и внук Итан. Каждое новое издание вбирало опыт предыдущего: читатели присылали письма, авторы исправляли ошибки, добавляли рецепты для холодильника, а потом и для микроволновки, выбрасывали устаревшие. Опыт одного поколения напрямую входил в наследство следующего. В 1997 году издательство поручило книгу профессиональным редакторам, и те переписали её почти целиком. Читатели возмутились, и в 2006 году семья выпустила юбилейное издание, вернув многое из

прежнего текста. Биологический вид ждал бы такой правки тысячи поколений. Книге хватило девяти лет и вороха писем от недовольных читателей.

Третье различие самое неудобное. У природы нет конструктора. Никто не задумывал глаз, крыло или сердце: их отлил слепой перебор вариантов за миллионы лет. У идей конструкторы есть, и у них есть имена. Апостол Павел достраивал христианство в письмах к общинам. Лютер обнародовал свои тезисы. Маркетолог придумывает бренду легенду, политтехнолог — партии врага. Идея умеет эволюционировать и сама, вслепую, но рядом с ней почти всегда стоит кто-то, кто подталкивает её сознательно.

Как выглядит такой конструктор за работой, показывает одно воскресенье в Нью-Йорке. В конце 1920-х годов американские табачные компании столкнулись с препятствием: курящая на улице женщина считалась неприличной, и половина рынка оставалась закрытой. Компания American Tobacco обратилась к Эдварду Бернейсу — племяннику Зигмунда Фрейда и одному из основателей профессии, сегодня называемой связями с общественностью [10]. Бернейс не стал рекламировать сигареты. Он поменял их мембрану. 31 марта 1929 года, во время пасхального шествия по Пятой авеню, несколько молодых женщин по условленному сигналу закурили на глазах у фотографов. Газетам заранее подсказали слова для заголовков: это не сигареты, а «факелы свободы».

На языке нашей книги произошло следующее. Товар, упиравшийся в запрет на оси Норм, пересадили на ось Статуса и подключили к самой сильной общественной идее момента — женской эмансипации. Слепой эволюции на такой пересадочный ход понадобились бы десятилетия. Человеку с планом хватило одного утра.

Мемы: попытка, которая не прижилась

Книга о живых идеях не первая попытка такого рода, и честнее сразу сказать, чем кончилась предыдущая. В 1976 году британский биолог Ричард Докинз закончил книгу «Эгоистичный ген» [11] небольшой главой о культуре. По его мысли, мелодии, фразы, мода на одежду и способы лепить горшки копируются из головы в голову подобно генам. Для таких единиц Докинз придумал слово «мем», сократив греческое mimeme, «подражание», так чтобы оно созвучало с «геном».

Идея оказалась заразительной. В 1990-е годы вокруг неё выросло целое направление — меметика, а в 1997 году появился электронный Journal of Memetics. В 2005 году журнал закрылся. Меметике так и не удалось ответить на два простых вопроса, заданных критиками с самого начала [12]. Что именно считать единицей — слово, фразу, целую религию? И каким образом мем копируется, если два человека, услышав одну и ту же проповедь, уносят домой совершенно разные мысли? У гена есть точная длина и механизм удвоения. У мема не нашлось ни того ни другого.

Зато само слово выжило и процвело — правда, совсем в другом смысле. Сегодня «мемом» называют смешную картинку с подписью, и большинство тех, кто употребляет это слово, никогда не слышали о Докинзе. Трудно придумать лучшую иллюстрацию того, как идея меняет мембрану и теряет автора.

Как живёт мем в новом смысле слова, показывает одна песня. В 1987 году британский певец Рик Эстли выпустил танцевальный хит «Never Gonna Give You Up». Хит отзвучал, певец через несколько лет ушёл со сцены. А в 2007 году на интернет-форумах появилась шутка: пользователю обещали ссылку на долгожданный трейлер или важную новость, а открывался клип Эстли. Розыгрыш назвали рикроллом.

Шутка размножалась с поразительной силой, потому что каждый обманутый тут же хотел обмануть другого. Её подсовывали в студенческие рефераты, в объявления на стадионах, в выступления политиков. В 2008 году Эстли вышел на сцену парада в честь Дня благодарения в Нью-Йорке и спел песню вживую посреди чужого номера — розыгрыш разыграл сам себя. В 2021 году клип перешагнул миллиард просмотров на YouTube.

Песня, ради которой когда-то покупали пластинки, превратилась в нечто совсем другое: в знак, понятный миллионам, в игру, правила которой передают друг другу школьники, никогда не слышавшие о танцевальной музыке восьмидесятых. Певец, поначалу смущённый, потом принял прави-

ла и сам стал шутить на эту тему. Мелодия осталась той же, а работа, которую она выполняет, сменилась полностью.

Песня живёт в новой нише уже дольше, чем жила в старой.

Эта книга идёт другим путём. Меметика искала в идее ген — единицу копирования. Нас интересует организм целиком и его отношения с хозяином: что идея даёт носителю, чем за это берёт и к каким его потребностям прикрепляется. Вопрос, сколько букв в единице смысла, нам не нужен. Нужен другой: почему одни убеждения переживают империи, а другие умирают вместе со своим автором.

Зачем метафора, если она дырявая

Читатель вправе спросить: если различий так много, не рассыпается ли весь замысел? Нет, и вот почему.

Наука вообще движется на дырявых метафорах. Атом сравнивали с планетной системой: электроны-планеты вокруг ядра-солнца. Сравнение неверно почти во всём, электрон не шарик и по орбите не бегает. Но именно эта картинка помогла нескольким поколениям физиков нащупать строение вещества, прежде чем её сменили более точной. Хорошая метафора — не портрет, а строительные леса. Они стоят, пока помогают возводить здание, а потом их разбирают.

С медициной произошло то же самое. В 1628 году английский врач Уильям Гарвей опубликовал небольшую книгу о движении сердца и крови [13]. До него врачи полторы тысячи лет верили Галену: кровь создаётся в печени и расходуется тканями, как вода в оросительных каналах. Гарвей по-

считал, сколько крови сердце выталкивает за час, и получил вес, во много раз превышающий вес человека. Такое количество нельзя создавать заново, значит, кровь ходит по кругу, а сердце гонит её, словно насос. Век механики с его водяными насосами подсказал образ, и образ перевернул медицину. Но в 1981 году канадские исследователи во главе с Адольфо де Больдом обнаружили, что предсердия выделяют гормон, заставляющий почки выводить соль и воду [14]. Сердце оказалось ещё и железой. Сравнение с насосом не стало от этого ложным. Оно просто оказалось неполным — как и любая хорошая метафора.

Метафора живой идеи ценна тем, что заставляет задавать правильные вопросы. Встретив новое учение, диету или движение, мы перестаём спрашивать только «правда это или ложь». Мы спрашиваем иначе. Чем оно питается? Как размножается? Что делает с теми, кто решил уйти? Симбионт оно человеку или паразит? Эти вопросы одинаково хорошо работают и для древнего культа, и для вчерашнего стартапа, а вопрос об истинности часто уводит в сторону.

Поэтому с самого начала важно помнить о границах. Идея — квартирант без собственного тела. Она наследует приобретённое, как ошибочно думал Ламарк о животных. И за её спиной нередко стоит сознательный конструктор. Держа в уме эти три поправки, мы избежим соблазна, погубившего немало красивых теорий: принять метафору за саму реальность. Сердце не насос, атом не солнечная система, идея не

зверь. Но, рассматривая её как зверя, мы увидим то, чего иначе не разглядеть.

А теперь, вооружившись метафорой и зная её пределы, вскроем идею и посмотрим, из чего она сделана. У всякой клетки есть ядро, мембрана и защита. У идеи тоже.

Глава 2. Клетка смысла

В Книге Чисел есть короткий и страшный эпизод. Сыны Израилевы находятся в пустыне, и в субботний день один человек собирает дрова. Его приводят к Моисею, держат под стражей, пока не придёт ответ свыше, а затем всё общество выводит его за стан и побивает камнями. Человек не убил, не украл, не поклонился чужому богу. Он собирал хворост.

Современному читателю этот эпизод кажется чудовищным. Но если смотреть на него глазами биолога, перед нами почти учебная картина. Есть идея — седьмой день отдыха. Есть объяснение, почему её нужно соблюдать. И есть механизм, уничтожающий нарушителя. Три слоя, три функции. Именно из этих трёх слоёв, как я попытаюсь показать, состоит любая идея, будь то заповедь, диета или политическая программа.

Три слоя клетки

Живая клетка устроена сложно, но для наших целей хватит грубой схемы. В центре — ядро, где хранится генетическая программа — инструкция ко всему, что клетка умеет.

Снаружи — мембрана, тонкая оболочка, отделяющая клетку от мира. Мембрана избирательна: одно впускает, другое не пропускает, и через неё клетка общается со средой. И есть защита — у отдельной клетки это её собственные средства борьбы с чужим, у многоклеточного организма целая иммунная система.

У идеи те же три слоя.

Ядро — это то, что идея реально делает для человека. Не то, что она о себе говорит, а то, что происходит на самом деле: она успокаивает, даёт распорядок, отделяет своих от чужих, помогает пережить горе. Ядро обычно невидимо для самого носителя: человек редко может объяснить, что именно даёт ему вера или ритуал, но отчётливо чувствует пустоту, когда их лишается.

Мембрана — это язык, на котором идея объясняет свою пользу. «Так велели боги». «Так завещали предки». «Так требует разум». «Так показали исследования». Мембрана обращена к миру, и поэтому она первой чувствует, как мир меняется. Она же меняется быстрее всего.

Иммунитет — это то, как идея обходится с отступниками. Камни за стеной стана, отлучение, костёр, увольнение, бойкот, молчаливое исключение из компании. Иммунная система работает не на истину, а на сохранение организма. Ей неважно, прав ли нарушитель. Важно, что он чужой.

Суббота: одно ядро, много мембран

Проследим судьбу одной идеи через все три слоя. Возь-

мём субботу — пожалуй, самую успешную социальную технологию в истории.

Ядро субботы просто: человеку и обществу нужен ритм, в котором труд прерывается отдыхом. Без паузы человек изнашивается, а община распадается на отдельных работников, у которых нет времени друг на друга. Седьмой день останавливает производство и собирает семью и общину за одним столом.

Любопытно, что уже сама Тора даёт этому ядру две разные мембраны. В Книге Исхода суббота объясняется сотворением мира: Бог творил шесть дней, а в седьмой почил. Во Второзаконии объяснение другое: помни, что ты был рабом в Египте, — дай отдых и рабу своему, и рабыне, и волу. Первая мембрана космическая, вторая социальная. Ядро одно, а язык его оправдания меняется даже внутри одного священного текста.

Теперь посмотрим, что происходит дальше. Римские интеллектуалы видели в еврейской субботе чистое расточительство. Сенека, если верить Августину, сетовал, что этот народ теряет в праздности седьмую часть жизни. Тацит списывал обычай на лень. Римская мембрана — практическая польза, эффективность — не находила для субботы оправдания. Но ядро оказалось сильнее чужой мембраны. Христианство унесло ритм седьмого дня в империю, перенеся его на воскресенье. В 321 году император Константин запретил по воскресеньям работу городских судей и ремесленников.

Мембрана сменилась с ветхозаветной на христианскую, а ядро уцелело.

Следующая пересборка случилась в индустриальную эпоху. Фабрика XIX века не знала ни субботы, ни воскресенья в старом смысле, и рабочее движение заново отвоёвывало день отдыха — теперь уже на языке профсоюзов и прав трудящихся. В 1926 году Генри Форд ввёл на своих заводах пятидневную рабочую неделю и объяснял это не заповедью, а производительностью и потребительским спросом: отдохнувший рабочий лучше работает и больше покупает. Теперь мембрана экономическая.

А в XXI веке ядро снова меняет костюм. Появляется «цифровой шаббат»: менеджеры технологических компаний на сутки отключают телефоны, и движение за «день без гаджетов» выпускает собственные манифесты. Объяснение — уже не Бог, не профсоюз и не производительность, а выгорание, нервная система и дофамин. Четвёртая мембрана за три тысячи лет. Ядро прежнее: остановиться и побыть со своими.

Похожую череду мембран прошёл и обычай давать себе обещания на Новый год. Вавилоняне на весеннем новогоднем празднике обещали богам вернуть долги и взятые взаймы вещи. Римляне в январе приносили клятвы Янусу, двуликому богу, смотрящему и в прошлое, и в будущее. В XVIII веке основатель методизма Джон Уэсли ввёл ночные службы обновления завета: в новогоднюю ночь верующие вспо-

минали прожитый год и заново посвящали себя Богу. Сегодня тот же обычай звучит совсем буднично: с понедельника — в спортзал, бросить курить, выучить испанский. Боги, Бог и завет ушли, а ядро осталось — потребность провести черту и начать с чистого листа. Психологи называют это эффектом нового начала: люди чаще берутся за перемены после любой вехи — Нового года, дня рождения, даже обычного понедельника [15].

Иногда смену мембраны видит при жизни сам основатель идеи — и приходит в ужас. В 1908 году американка Анна Джарвис устроила в церкви своего городка службу в память о матери, и её идея дня матери быстро разошлась по стране. В 1914 году президент Вильсон сделал второе воскресенье мая официальным праздником. Но главными его участниками вскоре стали цветочники, кондитеры и производители открыток. Джарвис возненавидела то, что создала. Она судилась, писала гневные письма, призывала бойкотировать гвоздики, а в 1925 году её арестовали за срыв собрания, на котором продавали эти цветы. Праздник вернуть ей не удалось. Ядро — благодарность матери — уцелело, но мембрану у него отняли другие, и эта новая мембрана оказалась куда заразительнее.

Если приложить эту схему к собственной жизни, окажется, что почти у каждой семейной традиции есть ядро и сменная мембрана. Воскресный обед у бабушки когда-то объясняли церковным днём, потом привычкой, теперь — тем, что

«иначе вообще не видимся». Объяснения меняются, а ядро остаётся прежним: раз в неделю собраться за одним столом.

Эрув: как идея договаривается с городом

Мембрана меняется не только со сменой эпох. Она тонко подстраивается под повседневную жизнь носителей — так, чтобы ядро оставалось нетронутым, а соблюдение не превращалось в невыносимую ношу.

Еврейский закон запрещает в субботу переносить предметы из частного владения в общественное. Дословное соблюдение этого правила в городе означало бы, что нельзя донести до синагоги ключ от дома, а молодой матери — вывезти коляску с ребёнком. Ещё в античности мудрецы нашли выход, и ему посвящён целый трактат Талмуда. Если обнести квартал символической оградой, всё пространство внутри считается одним общим двором. Такую ограду называют эрувом. Сегодня это чаще всего тонкая проволока, натянутая между фонарными столбами. Прохожие в Иерусалиме, Лондоне или Нью-Йорке проходят под ней, не подозревая, что идут по чьему-то двору.

Рядом с эрувом стоит целый набор подобных решений. Субботний лифт сам останавливается на каждом этаже, чтобы никому не пришлось нажимать кнопку. Таймер заранее включает и выключает свет. Внешнему наблюдателю всё это может показаться хитростью или буквоедством. Биолог увидит другое: мембрану, век за веком подгоняемую к новой среде — к городу, электричеству, многоэтажным домам.

Идея договаривается с миром о форме, чтобы не пришлось договариваться о сути. В пятницу вечером семья всё так же садится за стол, и телефоны молчат.

Когда пытаются убить ядро

Стоит взглянуть и на обратный опыт — когда реформаторы пытались уничтожить не мембрану, а само ядро.

Французская революция в 1793 году отменила семидневную неделю вместе с христианским календарём. Вместо неё ввели декаду: десять дней, из которых отдыхали только в последний. Новая мембрана была безупречно рациональной, десятичной, как метр и килограмм. Но люди теперь отдыхали реже, и это не понравилось ни крестьянам, ни рабочим. Наполеон вернул прежний календарь, и декада тихо умерла.

Вторая попытка, уже в мировом масштабе, случилась в XX веке. Реформаторы календаря давно мечтали о вечном календаре, в котором каждое число из года в год приходится на один и тот же день недели. Для этого требовалось вынуть из недельного счёта один день в году, а в високосный год два: такие «пустые дни» не принадлежали бы ни к одной неделе. В 1930 году американка Элизабет Акелис основала Ассоциацию всемирного календаря и четверть века добивалась его принятия. В 1955 году проект дошёл до Экономического и социального совета ООН [16]. Против выступили иудеи, адвентисты седьмого дня и многие христианские церкви. После каждого «пустого дня» суббота и воскресенье сдвигались бы относительно древнего семидневного счёта, и через год

святой день пришёлся бы на обычный рабочий день. Правительство США заявило, что не поддержит реформу без широкого согласия, и проект отложили. Арифметически безупречная мембрана разбилась о ритм, текущий без перерывов по крайней мере с римских времён.

Третья попытка выглядела куда скромнее и закончилась гораздо быстрее. Американский День благодарения считает своим началом осенний пир 1621 года, когда переселенцы из Плимута разделили урожай с индейцами вампаноаг. Общенациональным праздником он стал лишь через двести с лишним лет. Издательница женского журнала Сара Джозефа Хейл семнадцать лет писала губернаторам и президентам, и в 1863 году, в разгар Гражданской войны, Линкольн объявил последний четверг ноября днём благодарения [17]. Мембрана сменилась: из праздника урожая получился праздник единства расколотой страны.

В 1939 году ноябрь выпал на редкость длинным, с пятью четвергами, и последний пришёлся на тридцатое число. Торговцы испугались, что сезон рождественских покупок окажется слишком коротким, и президент Франклин Рузвельт перенёс праздник на неделю раньше. Ничего священного в дате не было: ни Библия, ни Конституция её не упоминают. И всё же страна взбунтовалась. Часть штатов подчинилась, часть отказалась, а Техас на всякий случай отпраздновал оба четверга. Студенческие футбольные матчи, назначенные на традиционный день, оказались не в праздник, семьи из раз-

ных штатов не могли договориться, когда собираться. Газеты окрестили новинку «Франксгивингом».

Через два года Конгресс сдался и закрепил праздник за четвёртым четвергом ноября — компромиссом между торговцами и привычкой. Никто не посягал ни на индейку, ни на благодарственную молитву, ни на семейный стол. Перенесли только день, и этого оказалось достаточно, чтобы иммунная система праздника отреагировала по всей стране. Рутина, связанная с семейным сбором, — кто к кому едет, кто печёт тыквенный пирог, когда покупать билеты, — оказалась частью ядра.

Сегодня мембрана Дня благодарения снова почти неузнаваема. Пилигримов вспоминают разве что в школьных спектаклях, вместо молитвы смотрят парад и футбольный матч, а следующая за праздником пятница давно превратилась в день скидок. Миллионы американцев при этом по-прежнему проводят в дороге самые загруженные дни года, лишь бы оказаться за одним столом с родителями. Спорят о меню, о политике, о том, чья очередь мыть посуду. Не спорят только о том, собираться ли вообще.

Из этих историй вырастает одна мысль, важная для всей книги. Мембрану можно сменить почти любую — и с богословской на экономическую, и с экономической на неврологическую. А вот ядро, опирающееся на глубокую человеческую потребность, уничтожить очень трудно. Оно сопротивляется, как живое, потому что держится на рецепторах стар-

ше любого календаря.

Рецепторная карта: суббота. Рутина — главная ось: ритм, повторяющийся каждую неделю. Нормы — что можно и чего нельзя в святой день. Референтная группа — общая трапеза и общая молитва, различие между соблюдающими и несоблюдающими. Привязанность — семья, собранная вместе. Оценка энергии — восстановление сил. Страх и угроза — наказание нарушителя, в древности смертельное, сегодня символическое. Статус — набожность или дисциплина соблюдающего. Идея цепляется за все семь осей, и поэтому она почти неистребима.

Почему слои путают

Если идея так ясно состоит из трёх слоёв, почему мы их обычно не различаем? Потому что изнутри они ощущаются как единое целое. Верующему кажется, что отдых в субботу и заповедь о субботе — одно и то же. Сторонник интервального голодания уверен, что его режим и научное обоснование режима неразделимы. Отказаться от мембраны для него значит отказаться от самой практики.

Здесь кроется одна из главных ловушек. Критик, разрушающий мембрану, нередко думает, что разрушил идею. Атеист доказывает, что мир не был сотворён за шесть дней, — и полагает, что опроверг субботу. Скептик показывает, что исследования аутофагии проводились на дрожжах, — и полагает, что опроверг голодание. Но ядро от этого не страдает. Оно просто ищет новую мембрану, и обычно быстро

находит.

Проверить, где кончается ядро и начинается мембрана, помогает простой мысленный опыт: отнять у практики объяснение и посмотреть, что останется. Иногда история ставит такой опыт сама. В Японии христиане составляют ничтожную долю населения, а Рождество тем не менее празднуют повсюду: иллюминация, подарки, рождественский торт с клубникой, ужин влюблённых пар. С середины 1970-х годов, после удачной рекламной кампании, миллионы семей заказывают на Рождество жареную курицу из KFC, и заказывают за несколько недель. От евангельской мембраны не осталось ничего, кроме даты. А ядро зимнего праздника — свет в самые тёмные дни, общая трапеза, подарок близкому — устроилось на новом месте без всякого богословия.

Поставить такой опыт можно и на кухне. Куриный бульон от простуды прописывают много веков. В XII веке его советовал больным врач и философ Маймонид, ссылаясь на авторитет греческой медицины. В 2000 году американский пульмонолог Стивен Реннард проверил семейный рецепт своей жены в лаборатории: в пробирке бульон замедлял движение нейтрофилов, клеток, участвующих в воспалении [18]. Мембрана сменилась с авторитета древних на язык иммунологии, и газеты с удовольствием пересказали результат. Но ни одна мать не варит бульон, прочитав статью в пульмонологическом журнале. Ядро — горячая еда, забота, человек, сидящий рядом с больным, — работало задолго до всяких объяс-

нений и продолжит работать, даже если статью опровергнут.

Бывает и наоборот: мембрана держится, хотя под ней совсем другое ядро. Многие поколения детей слышали, что после еды нельзя купаться целый час, иначе сведёт судорогой. Серьёзных подтверждений у этого правила не нашлось. Запрет тем не менее передаётся дальше, потому что его настоящее ядро — не физиология, а родительская тревога у воды и желание хотя бы час после обеда посидеть спокойно на берегу.

Белое свадебное платье тоже кажется древним символом, хотя ему меньше двух столетий. До середины XIX века невесты выходили замуж в лучшем платье, какое у них было, — синем, красном, сером, — а потом носили его по праздникам. В 1840 году королева Виктория надела на венчание с принцем Альбертом белое атласное платье с кружевом. Белая ткань в ту пору была дорогой: её трудно отстирать, и надеть платье, которое не пригодится больше никогда, могли позволить себе немногие. Ядро нового обычая было статусным: показать, что семья может позволить себе роскошь одного дня.

Мембрана появилась позже. Журналы и проповедники объявили белый цветом невинности и чистоты, и через несколько поколений это объяснение стало казаться исконным. Сегодня его повторяют и те, кто живёт с женихом много лет, и те, кто выходит замуж второй раз. Платье при этом подорожало, а не подешевело: свадебная индустрия продаёт

его как главную покупку жизни. Объяснение про невинность пришло и, по сути, ушло, а ядро — показать миру, что этот день стоит дороже любого другого, — держится крепко.

Свадебные журналы до сих пор подсказывают невестам, сколько процентов семейного бюджета «принято» отдавать на платье, и эта подсказка работает надёжнее любого объяснения про невинность. Невеста, выбравшая на свадьбу простое голубое платье, как её прапрабабушка, рискует услышать от гостей не восхищение стариной, а вопрос, всё ли в порядке.

Верно и обратное. Защитник идеи, отстаивающий мембрану, часто защищает не то, что на самом деле важно. Спор о том, сотворён ли мир за шесть дней, может тянуться веками, а ответ на него ничего не меняет в главном: человеку нужен день, когда он не работает.

Иммунитет как цена

Остаётся третий слой, и он самый тревожный. Иммунная система нужна идее, чтобы выжить: без неё учение размывается, ритуалы упрощаются, община растворяется в соседях. Еврейская суббота, вероятно, не дожила бы до наших дней, если бы её не охраняли строже, чем любой другой обычай.

Иммунную систему идеи можно увидеть, просто прогулявшись по американскому пригороду. Десятки миллионов американцев живут в посёлках, где действуют ассоциации домовладельцев. Устав ассоциации может определять, в какой цвет красить входную дверь, какой высоты держать тра-

ву, можно ли сушить бельё во дворе и ставить на лужайке пластикового фламинго. За нарушение приходит письмо, затем штраф, а при упорной неуплате ассоциация может наложить на дом залоговое право. Идея аккуратного пригорода — ровные газоны, одинаковые фасады, цены на дома, которые не должны падать, — охраняется не полицией, а соседями. Нарушителя не побивают камнями, но логика та же, что в пустыне: важно не то, вредит ли кому-то нестриженый газон, а то, что он не такой, как у всех.

Иммунитет идеи бывает и вполне добродушным, но работает по тем же правилам. Попробуйте прийти на чужую свадьбу в белом платье или надеть на похороны яркую гавайскую рубашку. Никто не выгонит вас и не оштрафует, но взгляды, шёпот и неловкое молчание быстро объяснят, что вы нарушили неписаный закон. Большинство таких законов никто не записывал и мало кто может обосновать. Их охраняет не полиция, а смущение, и эта охрана удивительно надёжна: правило соблюдают даже те, кто считает его глупым.

Но у иммунитета есть цена, и платит её не идея, а человек. Тот, кто собирал хворост в пустыне, заплатил жизнью. Позднее та же логика оборачивалась средневековыми кострами, лагерями для инакомыслящих и современными кампаниями травли. Иммунная система идеи не различает злого умысла и простой ошибки, не знает пропорции и не умеет останавливаться. Именно поэтому, оценивая любую идею, мало спросить, что она даёт. Нужно спросить и о том, что она делает

с теми, кто решил от неё уйти.

Хуже всего, когда иммунная система бьёт по тому, кто принёс правду. В 1847 году в Венской городской больнице молодой венгерский акушер Игнац Земмельвейс попытался понять, почему в одном из двух родильных отделений женщины умирают от родильной горячки во много раз чаще, чем во втором. В первом работали врачи и студенты, приходившие к роженицам прямо с вскрытий, во втором — повитухи. Земмельвейс велел мыть руки раствором хлорной извести, и смертность упала в несколько раз [19]. Ядро его идеи было верным. Мембрана на тот момент оказалась слабой: микробов ещё не открыли, и он говорил о неких «трупных частицах». К тому же идея оскорбляла: выходило, что смерть пациенток на руках самих врачей.

Иммунная система венской медицины сработала безотказно. Контракт Земмельвейса не продлили, он уехал в Пешт, а его книгу 1861 года [20] коллеги встретили холодно. Он писал им всё более гневные открытые письма, называя их убийцами. В 1865 году Земмельвейса поместили в психиатрическую лечебницу под Веной, и через две недели он умер от заражения крови — возможно, после побоев служителей. Идея чистых рук вернулась в медицину лишь тогда, когда Пастер и Листер дали ей новую мембрану — теорию микробов. Ядро осталось прежним. Поменялся язык, на котором оно могло быть услышано.

В дальнейших главах мы будем раз за разом разбирать

идеи по этим трём слоям: ядро, мембрана, иммунитет. Но анатомия клетки была бы неполной без того, что позволяет идее вообще проникнуть в человека. Ядро, мембрана и защита есть у всякой идеи. Но прижиться в нас идея может, только если найдёт, к чему прикрепиться. Об этих точках прикрепления — следующая глава.

Глава 3. Рецепторы: Матрица семи осей

В медицинской литературе он долго оставался безымянным — «берлинский пациент». Американец Тимоти Рэй Браун жил в Берлине, был заражён ВИЧ, а затем заболел лейкозом. В 2007 году ему пересадили костный мозг. Врач Геро Хюттер выбрал донора не только по обычной совместимости: у донора была редкая мутация, при которой на поверхности клеток иммунной системы отсутствует белок CCR5. Именно через этот белок, как через дверную ручку, вирус чаще всего входит в клетку. Нет ручки — нет входа. После пересадки вирус в организме Брауна перестал обнаруживаться, и он стал первым человеком, признанным излеченным от ВИЧ.

В этой истории для нас важна одна мысль. Вирус — грозный, изощрённый, научившийся обманывать иммунитет — бессилен перед клеткой, на которой нет нужного рецептора. Его сила определяется не только им самим, но и тем, что он находит на поверхности хозяина.

С идеями происходит то же самое. Почему одно учение захватывает миллионы, а другое умирает вместе с автором? Почему один человек загорается проповедью, а его брат зевает? Привычные ответы — убедительность, харизма, удачный момент — верны, но неполны. Идея проникает в человека, только если находит в его психике точку связывания. Без неё не помогут ни логика, ни красноречие.

Откуда взялась Матрица

Психиатр видит людей в тот момент, когда их внутреннее равновесие нарушено. За годы клинической работы я заметил, что жалобы пациентов, при всём их разнообразии, вращаются вокруг ограниченного числа тем. Человек страдает, потому что потерял место в иерархии. Или потому что мир кажется ему несправедливым. Или потому что ему страшно. Или потому что его оставили. Или потому что рассыпался привычный порядок жизни. Или потому что нет сил. Или потому что ему не к кому принадлежать.

Из этих наблюдений выросла Матрица семи осей. Каждая ось — это древняя система регуляции, общая для человека и многих других приматов. И каждая ось — это рецептор, к которому может прикрепиться идея.

Пройдём по ним по очереди. У каждой оси два конца: биологический корень и социальный выход.

Ось первая: статус

У павианов, которых десятилетиями изучал Роберт Сапольски, место в иерархии определяет почти всё: доступ к

пище, к самкам, к безопасному месту на дереве. И, как выяснилось, к здоровью. Низкоранговые павианы живут в хроническом стрессе, у них выше уровень гормонов стресса и хуже работает сердце. Статус для примата — не тщеславие, а вопрос выживания.

У людей та же закономерность нашлась там, где её меньше всего ждали. С конца 1960-х годов британский эпидемиолог Майкл Мармот и его коллеги наблюдали за здоровьем тысяч лондонских чиновников из правительственного квартала Уайтхолл [21]. Все они работали в офисах, никто не голодал, у всех была бесплатная медицина. И всё же смертность от болезней сердца у служащих самого низшего ранга оказалась в несколько раз выше, чем у их начальников. Курение, давление и холестерин объясняли лишь часть разницы. Положение на лестнице и ощущение контроля над собственной работой буквально проникали под кожу. Ось статуса — не суетность, а биология.

Социальный выход этой оси бесконечно разнообразен: сан и чин, титул и учёная степень, место за столом, число подписчиков. Идея, предлагающая человеку повысить статус, получает мощный крючок. Посвящение в тайное знание, звание праведника, значок «сорок дней подряд» в приложении для медитации — всё это ответы на один древний запрос.

Как тонко работает эта ось, показывает цвет пузырей в переписке. Американские старшеклассники давно делят друг

друга по тому, какого цвета у собеседника сообщения: синие у владельцев iPhone, зелёные у тех, чей телефон работает на Android. В 2022 году The Wall Street Journal описал, как подростки стесняются «зелёных» и как их не зовут в общие чаты, где все остальные «синие» [22]. Для дружбы цвет ничего не значит. Но он сообщает о достатке семьи и о принадлежности к большинству, и этого достаточно, чтобы рецептор статуса сработал. Идея «правильного телефона» держится не на характеристиках камеры, а на древней потребности не оказаться внизу стаи.

Ось вторая: нормы

В 2003 году приматологи Сара Броснан и Франс де Вааль [23] поставили простой опыт с обезьянами-капуцинами. Две обезьяны сидели рядом и за одно и то же задание получали награду. Пока обе получали кусочки огурца, всё шло спокойно. Но стоило одной из них начать получать виноград, ценимый капуцинами гораздо выше, как вторая отказывалась от огурца и порой швыряла его в экспериментатора. Чувство несправедливости старше человека.

Социальный выход этой оси — заповеди, законы, этикет, кодексы чести и правила сообщества. Идея, говорящая человеку, что правильно и что нет, кто заслуживает награды, а кто наказания, связывается с этим рецептором. Почти всякая религия и почти всякая идеология начинаются со списка того, что можно и чего нельзя.

Норма может разрастаться у нас на глазах. В амери-

канском ресторане оставить официанту меньше пятнадцати процентов от счёта долго считалось невежливым. В последние годы ожидаемая сумма поднялась до восемнадцати и двадцати процентов, а просьба о чаевых распространилась туда, где её раньше не было. Покупателю в кофейне, у кассы самообслуживания, в аэропортовом киоске разворачивают планшет с кнопками «18%», «20%», «25%» и маленькой надписью «без чаевых» внизу.

Ничего, кроме оси Норм, этот экран не задействует. Продавец смотрит на покупателя, за ним стоит очередь, и нажать «без чаевых» под чужими взглядами неловко, даже если за кофе никто не обслуживал за столиком. Исследовательский центр Pew в 2023 году выяснил, что большинство американцев чувствуют: чаевые теперь ждут в гораздо большем числе мест, чем пять лет назад, — и при этом многие не уверены, сколько и когда оставлять.

Рецептор справедливости, тот самый, что обижал обезьян Броснан огурцом вместо винограда, работает здесь в обе стороны. Покупателю кажется несправедливым платить за то, что он сам налил себе из автомата. Но не заплатить он не может, потому что тогда несправедливым он окажется в глазах продавца. Норма питается этим двойным давлением и растёт, пока не упрётся в общее раздражение.

Владельцы кофеен рассказывают журналистам, что экран с кнопками заметно увеличивает выручку. Покупатели жалуются, но платят. И с каждым новым местом, где появляет-

ся такой экран, ожидание становится чуть привычнее, а отказ — чуть неловче. Норма не спрашивает, справедлива ли она: ей достаточно, что все вокруг её соблюдают.

Ось третья: страх и угроза

Система распознавания опасности — самая древняя из всех. Миндалевидное тело, участок мозга, срабатывающий на угрозу раньше, чем мы успеваем её осознать, есть у всех позвоночных с развитым мозгом. Человек замечает на картинке змею быстрее, чем цветок, даже если никогда в жизни не видел живой змеи. Антрополог Линн Исбелл предполагает, что зрение приматов во многом заточено именно под змей.

Нейробиолог Джозеф Леду описал два пути, по которым сигнал опасности доходит до миндалевидного тела [24]. Короткий идёт напрямую от органов чувств, грубый и быстрый: изогнутая ветка на тропе заставляет нас отпрыгнуть раньше, чем мы поняли, змея это или нет. Длинный проходит через кору, медленный и точный, и через долю секунды сообщает: всего лишь палка. Идеи, обращённые к страху, идут первой дорогой. Именно поэтому тревожный заголовок срабатывает раньше, чем вступает в дело критика, а спокойное опровержение приходит по длинному пути — и последним.

Социальный выход этой оси — имена страха: ад, скверна, порча, апокалипсис, вражеские агенты, токсины, глютен. Идея, умеющая назвать угрозу и пообещать защиту, получает в руки мощнейший рычаг. Именно эту ось чаще всего

раскачивают паразитические идеи: возбуждённый страх превращается в пищу для идеи — в деньги, послушание, готовность отдать последнее.

Ось четвёртая: привязанность

В 1950-х годах психолог Гарри Харлоу [25] провёл жестокие и знаменитые опыты с детёнышами макак-резусов. Их растили без матерей, предлагая два суррогата: проволочный каркас с бутылочкой молока и мягкое матерчатое чучело без еды. Детёныши ели у проволочной «матери», но всё остальное время проводили, прижавшись к матерчатой. Испугавшись, они бежали к ней. Потребность в тёплом и надёжном другом оказалась не менее фундаментальной, чем потребность в пище. Психиатр Джон Боулби построил на подобных наблюдениях теорию привязанности.

Социальный выход этой оси — Бог-Отец и Богоматерь, гуру и наставник, вождь и «отец народов», харизматичный блогер, к которому обращаются по имени. Идея, предлагающая человеку надёжную фигуру, у которой можно укрыться, связывается с одним из самых глубоких рецепторов психики.

Насколько легко привести этот рецептор в действие, показала игрушка размером с куриное яйцо. В 1996 году японская компания Bandai выпустила тамагочи — электронного питомца на брелке. Его надо было кормить, укладывать спать, убирать за ним и лечить, иначе он умирал. Десятки миллионов детей по всему миру носили тамагочи в школу,

и учителя жаловались, что ученики отпрашиваются с уроков покормить питомца. Когда питомец умирал, дети по-настоящему горевали, а в интернете появились виртуальные кладбища для электронных зверьков. Несколько пикселей на экране и жалобный писк оказались достаточным стимулом, чтобы включить древнюю систему заботы. Рецептор привязанности не проверяет, живой ли перед ним объект: ему достаточно, чтобы объект в нас нуждался.

Ось пятая: рутина

Все живые существа на Земле подчиняются суточным ритмам. За открытие молекулярных механизмов внутренних часов в 2017 году дали Нобелевскую премию. Но рутина — это не только биологические часы. Это потребность в предсказуемости. В классических опытах 1970-х годов психолог Джей Вайс [26] показал, что крысы, получавшие одинаковые удары током, страдали по-разному: те, кому перед ударом подавали предупреждающий сигнал, болели язвой желудка намного реже. Неприятное, но предсказуемое переносится легче, чем неприятное и внезапное.

Социальный выход этой оси — литургия, суточный круг молитв, посты по календарю, утренняя практика, привычный маршрут. Идея, расчерчивающая время и превращающая хаос дней в повторяющийся порядок, становится незаметной опорой жизни. Человек может давно утратить веру, но продолжать ритуал, потому что рецептор рутины всё ещё ждёт своей пищи.

Ось шестая: оценка энергии

Любое животное постоянно ведёт бухгалтерию сил. Стоит ли гнаться за добычей, если погоня отнимет больше энергии, чем даст еда? Биологи называют это теорией оптимального фуражирования. Мозг непрерывно оценивает состояние тела — голод, усталость, боль, бодрость — и решает, тратить или беречь. Учёные называют это интероцепцией, ощущением собственного внутреннего состояния.

Социальный выход этой оси говорит на самых разных языках: благодать и мана, ци и прана, «энергетика места», «внутренний ресурс», «уровень дофамина». Идея, обещающая человеку прилив сил, лёгкость, бодрость или очищение, связывается именно с этим рецептором. Детокс, пост, медитация, утренняя пробежка — все они продают ощущение, что энергия вернулась.

Рекламный слоган «Red Bull окрыляет» обращается именно к этой оси. В 2014 году компания согласилась выплатить больше тринадцати миллионов долларов, чтобы урегулировать коллективный иск американских покупателей. Истцы утверждали, что напиток не даёт никакой особой энергии по сравнению с чашкой кофе, а реклама обещала прилив сил и быструю реакцию. Компания вины не признала, но предложила покупателям компенсацию — десять долларов наличными или напитки на пятнадцать. Энергетики продолжают продаваться миллиардами банок. Рецептор оценки энергии отзывается не на кофеин, а на обещание: человек, уставший

к трём часам дня, покупает не химию, а ощущение, что силы можно вернуть одним глотком.

Ось седьмая: качество референтных групп

Антрополог Робин Данбар заметил, что размер группы, в которой живут приматы, связан с размером их новой коры. Для человека он вычислил число около ста пятидесяти — столько устойчивых отношений способен поддерживать наш мозг. Приматы скрепляют связи грумингом, взаимным перебиранием шерсти. У человека для этого есть разговоры, общие трапезы, совместное пение.

Но для нашей модели важна не только численность группы, а её качество: насколько эта стая принимает, поддерживает, задаёт ориентиры. Человек сравнивает себя с референтной группой, сверяет с ней поступки и ценности. Социальный выход этой оси — церковь и община, секта и орден, клуб, партия, онлайн-сообщество. Идея, предлагающая человеку стаю, связывается с рецептором, без которого примат не выживает.

Цену пустого рецептора на этой оси посчитали практически дословно. В 2010 году американский психолог Джулианна Холт-Ланстад с коллегами свела вместе более ста исследований, в которых участвовали сотни тысяч человек [27]. У людей с крепкими социальными связями шансы пережить период наблюдения оказались в среднем примерно в полтора раза выше, чем у одиноких. Эффект оказался сопоставим с отказом от курения. Человек, потерявший свою стаю, не

просто грустит. Его тело живёт в режиме тревоги, и любая идея, предлагающая новую стаю, получает над ним огромную власть. Вербовщики сект, как мы увидим в двенадцатой главе, знают это лучше многих психологов.

Как идея прикрепляется

Психиатру естественно думать на языке фармакологии, и здесь он оказывается очень полезен.

Вещество, связываясь с рецептором, может вести себя поразному. Агонист включает рецептор, стимулирует его. Антагонист блокирует, не давая включиться. Модулятор настраивает чувствительность — делает рецептор чуть отзывчивее или чуть спокойнее. Идеи делают с осями то же самое. Одни возбуждают ось, другие гасят её тревогу, третьи помогают ей работать ровнее.

Отсюда первое важное различие. Связывание бывает **здоровым** и **токсичным**. Здоровая идея регулирует ось: снижает избыточный страх, даёт распорядок там, где царит хаос, предлагает стаю тому, кто одинок. Токсичная идея перевозбуждает ось, чаще всего ось страха или статуса, и забирает себе выделившуюся энергию. Апокалиптический культ сначала пугает концом света, а потом продаёт спасение. Финансовая пирамида сначала раздувает жажду статуса, а потом забирает сбережения.

Второе различие — **число связей**. Слабая идея цепляется за одну ось и легко отрывается: модная диета, обещающая только энергию, забывается через сезон. Сильная идея

связывается с несколькими осями сразу. А мировая религия занимает все семь. Она даёт статус праведника, свод норм, защиту от страха смерти, Отца на небесах, круг молитв и праздников, благодать и общину. Оторвать такую идею от человека почти невозможно: она держится сразу за всё.

Хороший пример идеи, сцепившейся сразу с несколькими осями, носят на запястье. Число «десять тысяч шагов в день» родилось не в лаборатории, а в рекламном отделе. В 1965 году японская компания Yamasa выпустила шагомер под названием «манпо-кэй», буквально «счётчик десяти тысяч шагов». Круглое число хорошо звучало и легко запоминалось. Полвека спустя его взяли в качестве цели по умолчанию производители фитнес-браслетов, и оно разошлось по всему миру.

Медицина догнала рекламу не сразу. В 2019 году эпидемиолог И-Мин Ли из Гарварда с коллегами проследила за здоровьем шестнадцати тысяч пожилых американок, носивших шагомеры [28]. Чем больше женщины ходили, тем ниже была смертность, но польза росла лишь примерно до семи с половиной тысяч шагов, а дальше кривая выравнивалась. Заветный рубеж оказался рекламным округлением, а не физиологическим порогом.

Идея от этого не пострадала, и объяснение даёт Матрица. Браслет каждое утро обнуляет счётчик и к вечеру ждёт отчёта — это Рутина. Цифра на экране превращает усталость в измеримую величину, и уставший человек решает, хватит

ли у него сил на прогулку, не прислушиваясь к телу, а глядя на запястье, — это Оценка энергии. Приложение рассылает друзьям таблицу, кто сколько прошёл за неделю, и неловко оказаться в ней последним — это Статус и Референтная группа. Шутливое поздравление с выполненной нормой, фейерверк на экране, значок за месяц без пропусков подключают и ось Норм.

Привязанная сразу к пяти рецепторам, идея держится крепко: опровергнуть её научной статьёй невозможно, потому что научной статьёй её никто и не доказывал. Человек, вечером наматывающий круги по квартире ради недостающих восьмисот шагов, хорошо знает её силу. Обратная сторона тоже знакома: стоит браслету разрядиться, и прогулка без подсчёта вдруг кажется потраченной впустую, словно шаги, не попавшие в отчёт, не считаются.

Третье различие касается **занятости рецепторов**. Если рецептор уже занят одной идеей, другой трудно его потеснить. Человек, которому церковная община даёт стаю, вряд ли пойдёт за ней в секту. А вот одинокий горожанин без всякой референтной группы — лёгкая добыча для любого сообщества, которое пообещает ему принятие. Вербовщики культов прекрасно это знают и ищут людей в моменты разрыва: после развода, переезда, потери работы. Свободный рецептор — открытая дверь.

И последнее. Рецепторы умеют привыкать. При постоянной стимуляции чувствительность падает, и для прежнего

эффекта нужна всё большая доза. Врачи хорошо знают это по зависимостям. С идеями происходит похожее: секта, держащаяся на возбуждении страха, вынуждена раз за разом повышать ставки — назначать новые сроки конца света, находить новых врагов, требовать всё больших жертв. Иначе притупившийся рецептор перестанет отвечать.

Три карты

Чтобы увидеть, как это работает, наложим Матрицу на три идеи из очень разных эпох.

Рецепторная карта: монастырский пост. Нормы — что и когда можно есть. Рутина — календарь постов и суточный круг. Статус — подвиг воздержания, уважение к постящемуся. Оценка энергии — лёгкость тела и ясность ума. Референтная группа — братия, постящаяся вместе. Страх и угроза — грех чревоугодия. Привязанность — подражание Христу.

Рецепторная карта: тотем первобытного рода. Референтная группа — главная ось: тотем отличает свой род от чужих. Нормы — запрет убивать и есть тотемное животное. Привязанность — тотем как предок и покровитель. Страх и угроза — кара за нарушение табу. Рутина — ежегодные обряды. Оценка энергии — сила тотема, переходящая к роду.

Рецепторная карта: современный фитнес-клуб. Статус — тело как видимый знак дисциплины и успеха. Рутина — расписание тренировок. Оценка энергии — бодрость, «заряд», выброс эндорфинов. Референтная группа —

«наш зал», групповые занятия, общий чат. Нормы — правильное питание, запретные продукты. Привязанность — личный тренер. Страх и угроза — болезни, старение, лишний вес.

Три идеи, разделённые тысячелетиями, говорят на совершенно разных языках. Но если закрыть мембраны и смотреть только на точки связывания, сходство поразительно. Именно это я называю главным законом книги: мембрана меняется, рецепторы остаются.

Матрица работает и на совсем маленьких идеях. Осенью 2021 года программист Джош Уордл выложил в интернет простую словесную игру, придуманную для своей подруги [29]. В Wordle нужно за шесть попыток угадать слово из пяти букв, а новое слово появляется раз в сутки, одно на всех. В ноябре в неё играли десятки человек, к концу января — миллионы, и газета The New York Times купила игру за сумму, исчисляемую миллионами долларов. Игра почти ничего не предлагала: ни уровней, ни наград, ни рекламы. Зато попадала точно в три рецептора сразу. Рутина: одно слово в день, ни больше ни меньше, утренний ритуал за кофе. Референтная группа: все решают одно и то же слово и делятся результатом — зелёными и жёлтыми квадратиками, не выдающими ответа. Статус: «с третьей попытки» звучит гордо, «с шестой» — со смущением. Мембрана была крошечной, а связывание — точным.

Через пару лет мода на Wordle схлынула, но миллионы

людей по-прежнему решают её каждое утро. Мода держалась на референтной группе и прошла вместе с ней, а рутина оказалась прочнее.

Зачем знать свои рецепторы

Вернёмся к берлинскому пациенту. Его вылечили, лишив вирус рецептора. С идеями так поступать нельзя и не нужно: удалить у человека потребность в статусе, привязанности или стае невозможно, да и незачем. Эти оси делают нас людьми.

Но знать собственный рецепторный профиль полезно. Человек, понимающий, что его главная уязвимость — ось привязанности, может заметить, когда очередной гуру начинает слишком быстро занимать место отца. Человек, знающий за собой голод по статусу, может вовремя увидеть, что «элитный клуб» продаёт ему вовсе не знания. Свобода не в том, чтобы лишиться рецепторов, а в том, чтобы видеть, кто и как к ним прикрепляется.

Однако, прикрепившись, идея должна ещё и кормиться. Рецептор — это вход. Дальше начинается обмен веществ: что идея берёт у человека и что отдаёт взамен. Об этом следующая глава.

Глава 4. Метаболизм: чем питаются идеи

В 362 году император Юлиан, прозванный христианами Отступником, прибыл в Антиохию. Он мечтал вернуть им-

перии древних богов и в праздник Аполлона отправился в знаменитое святилище в пригороде Дафна. Юлиан ожидал увидеть торжественное шествие, благовония, юношей в белых одеждах и множество жертвенных быков. Позже он сам с горечью описал, что нашёл. Никакого народа. Никаких жертв. Только жрец, принёсший из собственного дома одного гуся.

Бог, которому когда-то приносили гекатомбы, получил на праздник гуся. Перед нами картина голода. Аполлон не был опровергнут философами и не был сражён в битве. Его просто перестали кормить.

Эта глава — о том, чем питаются идеи, как они перерабатывают пищу и что отдают взамен. Иными словами, о метаболизме.

Обмен веществ

В биологии метаболизм складывается из двух встречных потоков. Один поток разрушает: организм расщепляет пищу и высвобождает энергию. Другой поток строит: на эту энергию организм создаёт собственные ткани, растёт, восстанавливается. Живое непрерывно берёт из среды и непрерывно отдаёт в неё, и стоит этому круговороту остановиться, как наступает смерть.

У идеи такие же два потока. Она берёт у человека ресурсы и строит из них собственное тело: храмы, ордена, библиотеки, корпорации, сообщества. И она отдаёт человеку то, ради чего он с ней связался: порядок, утешение, принадлежность,

силу, надежду.

Чем же она питается?

Пищевой рацион идеи

Внимание. Это самая первая и самая базовая пища. Идея, о которой никто не думает, мертва, даже если её книги стоят на полках. Ещё в 1971 году экономист Герберт Саймон заметил, что изобилие информации порождает дефицит внимания. Сегодня это стало общим местом: за наше внимание борются не только рекламодатели, но и учения, движения, диеты, политические проекты. Внимание — первый хлеб идеи.

Время. Молитва пять раз в день, литургия по воскресеньям, ежедневная медитация, тренировка трижды в неделю. Каждая идея претендует на часть нашего времени, и чем больше она получает, тем прочнее её позиции. Время, отданное идее, нельзя потратить на её соперниц.

Деньги и имущество. Десятина, пожертвования, членские взносы, подписка, абонемент. Деньги позволяют идее строить своё тело в материальном мире: возводить здания, содержать служителей, печатать книги.

Тело. Идея распоряжается тем, что человек ест и чего не ест, как одевается, с кем спит, как обращается со своей кожей и волосами. Пост и диета, обрезание и татуировка, монашеский постриг и строгая стрижка — всё это плата телом.

Отношения. Идея может требовать отказаться от прежних друзей, от неверующих родственников, от бывшей ком-

пании. Чем больше человек жертвует связями ради идеи, тем больше он от неё зависит.

Жизнь. Мученики, солдаты, смертники. Высшая форма платы: иногда идеи получают её добровольно, иногда требуют.

Одна пищевая цепь

На первый взгляд жертвоприношение, десятина, потлач и подписка на приложение не имеют между собой ничего общего. Но посмотрим на них как на звенья одной цепи.

Греческое жертвоприношение было устроено любопытно. Гесиод рассказывает, как титан Прометей при первом разделе жертвы обманул Зевса: в одну кучу положил мясо, прикрытое шкурой и желудком, а в другую — кости, завёрнутые в аппетитный блестящий жир. Зевс выбрал жир. С тех пор, объясняет миф, богам сжигают кости, а люди едят мясо. На практике жертвоприношение было общим пиром, а боги получали дым. Идея олимпийской религии питалась не столько говядиной, сколько вниманием, временем и чувством общности, возникавшим на празднике. Именно поэтому её смерть так хорошо видна по гусю в Дафне: исчез не скот, а люди.

Десятина устроена прямолинейнее. Авраам отдаёт десятую часть добычи священнику Мелхиседеку. Позже десятина становится законом для Израиля, а в империи Карла Великого — обязательным налогом в пользу церкви. Идея получает регулярный, предсказуемый приток пищи, и благода-

ря этому может строить огромное и долговечное тело: соборы, монастыри, университеты.

Потлач — праздник, который устраивали индейцы северо-западного побережья Северной Америки. Хозяин раздавал гостям одеяла, медь, пищу, а иногда и демонстративно уничтожал ценности. Чем больше он отдавал, тем выше поднимался его статус. Канадские власти сочли обычай расточительным и в 1884 году запретили его. Запрет продержался до 1951 года, и потлач всё это время продолжался тайно. Идея, питавшаяся щедростью, оказалась живучее закона.

Наконец, подписка на приложение для медитации. Ежемесячный платёж, ежедневная сессия, серия дней подряд, значок за постоянство. Внимание, время и деньги — регулярно, предсказуемо, автоматически. Это десятина в цифровой форме.

Ещё тоньше такую дань собирают социальные сети. В Snapchat у двух друзей появляется «серия» с огоньком, если они каждый день обмениваются снимками, и чем дольше серия, тем больше цифра рядом с огоньком. Подростки рассказывают, что, уезжая в лагерь без связи, отдают друзьям пароль от аккаунта, лишь бы серия не прервалась. Кто-то каждое утро рассылает десяткам людей одинаковую чёрную фотографию с подписью «серия». Ни новостей, ни разговора в этом обмене нет. Идея питается чистым временем и вниманием, а держит носителя страхом потерять накопленное число. Это та же десятина, только собирают её не раз в год,

а каждые двадцать четыре часа.

Почему дорогая идея сильнее

Здесь начинается самое интересное. Казалось бы, идея, требующая меньше, должна легче распространяться. Кому хочется платить? Но история показывает обратное: дорогие идеи часто оказываются устойчивее дешёвых.

Биолог Амоц Захави [30] предложил объяснение, которое назвал принципом гандикапа. Павлиний хвост мешает павлину летать и убегать от хищников. Именно поэтому он служит честным сигналом: только здоровый самец может позволить себе такую роскошь. Дорогой сигнал трудно подделать.

Экономист Лоренс Яннаконе [31] применил похожую логику к религиозным общинам. Почему строгие церкви, требующие от верующих многого — особой одежды, запретов, долгих служб, — часто растут быстрее либеральных? Ответ Яннаконе: высокая цена отсеивает «халявщиков». Тот, кто готов платить, по-настоящему вовлечён. Община из таких людей сплочённее, а значит, и даёт каждому больше.

Повседневную версию того же принципа носят на пальце. До середины XX века кольцо с бриллиантом было в Америке скорее роскошью, чем обязательной частью помолвки. В 1938 году алмазный синдикат De Beers нанял рекламное агентство N. W. Ayer, и то взялось сделать бриллиант символом любви [32]. В 1947 году копирайтер Фрэнсис Джерети придумала фразу «A Diamond Is Forever» — «Бриллиант навсегда». Реклама подсказала и норму расходов: сначала ме-

сячную зарплату жениха, а в 1980-е годы уже две. Кольцо стало сигналом гандикапа в точности по Захави: ценность подарка в том, что он бесполезен и дорог. Чем чувствительнее покупка для кошелька, тем убедительнее она свидетельствует о серьёзности намерений. Идея помолвки питается деньгами — и именно поэтому кажется надёжной.

Ту же логику легко узнать в свадьбе. Торжество в Америке обходится в среднем в десятки тысяч долларов: платье на один день, банкет на сотню гостей, фотограф, цветы. Экономисты Эндрю Фрэнсис-Тан и Уго Миалон, опросив несколько тысяч супругов, обнаружили неожиданную связь: чем дороже были свадьба и кольцо, тем выше оказывался риск развода [33]. Причины спорны, и сами авторы предостерегают от прямолинейных выводов. Но этот результат хорошо показывает границу принципа гандикапа: дорогой сигнал говорит о серьёзности намерений, но не может заменить того, ради чего его посылают.

Подарок, жертва, дорогой ритуал — все эти сигналы работают, пока за ними стоит повседневное поведение. Без него дорогой знак быстро превращается в украшение, никого не убеждающее, даже того, кто его носит.

В терминах метаболизма это означает простую вещь. Дорогая идея строит более прочное тело. Требования — не просто плата, это ещё и фильтр, отбирающий лучших носителей и отсеивающий слабых.

Миссия за свой счёт

Увидеть принцип в действии проще всего на улицах любого большого города. Двое молодых людей в белых рубашках с тёмными галстуками и чёрными табличками на груди останавливают прохожих и предлагают поговорить о вере. Это миссионеры Церкви Иисуса Христа святых последних дней, или мормонов. Вчерашние школьники на полтора-два года уезжают туда, куда их направит церковь, часто в страну, языка которой они не знают. С родными разрешено говорить раз в неделю, свидания запрещены, а содержание оплачивают сами миссионеры и их семьи.

С точки зрения делового советника это невероятно неэффективный способ вербовки: большинство уличных разговоров ничем не кончается. Но социологи религии давно заметили, что главный обращаемый здесь — сам миссионер [34]. Два года дорогой и трудной службы в самом впечатлительном возрасте привязывают к церкви прочнее любой проповеди. Кормить идею оказывается надёжнейшим способом привязаться к ней.

Почему мы любим то, за что дорого заплатили

Этот механизм давно изучен в лаборатории. В 1959 году американские психологи Эллиот Аронсон и Джудсон Миллс пригласили студенток вступить в дискуссионную группу о психологии пола [35]. Одни попадали туда без всяких условий. Другие сначала проходили «вступительное испытание»: вслух читали экспериментатору непристойные слова и отрывки, краснея от стыда. Потом все слушали одну и ту же

запись дискуссии — нарочно скучной, с мычанием и путаницей вокруг вторичных половых признаков животных. Те, кому вступление далось тяжело, оценили и группу, и разговор заметно выше. Сказать себе «я прошла через унижение ради пустяка» невыносимо. Намного легче решить, что пустяк был не пустяком.

Полвека спустя Майкл Нортон, Дэниел Мошон и Дэн Ариели дали тому же явлению более домашнее имя — «эффект ИКЕА» [36]. Участники их опытов собирали простые коробки для хранения или складывали фигурки оригами, а потом готовы были заплатить за свои неказистые изделия примерно столько же, сколько за работу мастера. Вложенный труд превращается в любовь. Идея, заставляющая носителя достраивать её своими руками — соблюдать, заучивать, строить, проповедовать, — получает не только пищу, но и верность.

Тот же механизм стоит за модой на мучительные забеги. За участие в соревнованиях вроде Tough Mudder люди платят по сто долларов и больше, чтобы пробежать многокилометровую дистанцию по грязи, нырнуть в ледяную воду и проползти под проводами, бьющими током. Исследователи потребительского поведения Ребекка Скотт, Жюльен Кайла и Бернар Кова поговорили с такими участниками и назвали увиденное продажей боли [37]. Офисный работник, весь день сидящий у монитора, покупает себе синяки и ссадины, а потом с гордостью показывает их коллегам. Боль служит до-

казательством: я пережил нечто настоящее. Идея, берущая плату страданием, не теряет, а приобретает сторонников, и многие из них записываются на следующий забег.

Похожим образом действует и краудфандинг. В 2012 году небольшая компания выложила на сайте Kickstarter проект умных часов Pebble и попросила сто тысяч долларов. За месяц почти семьдесят тысяч человек прислали больше десяти миллионов. Ни один из них ещё не видел часов: люди платили за обещание, за картинку и за чувство причастности к чему-то новому. Каждый получил статус «спонсора» и обновления о том, как идёт производство.

Спонсоры повели себя как члены общины. Они защищали компанию на форумах, когда сроки срывались, рассказывали друзьям о будущих часах и с гордостью носили их, когда те наконец приходили. Деньги, отданные заранее, работали как вступительный взнос в группу Аронсона: усилие делало предмет ценнее. Через три года компания собрала на новую модель уже двадцать миллионов долларов, поставив рекорд площадки.

А в 2016 году Pebble продала свои технологии крупному производителю, и часы вскоре перестали поддерживать. Многие спонсоры остались с устройствами, постепенно терявшими функции. Но характерно, что и тогда среди них нашлись энтузиасты, взявшиеся поддерживать часы своими силами, — так сильна оказалась привязанность к идее, за которую они заплатили ещё до её рождения.

Энергия как валюта

Есть у метаболизма идей и парадоксальная сторона. Многие идеи обещают человеку силы и берут плату силами же.

Пост обещает лёгкость и ясность, а требует от тела отказаться от пищи. Медитация обещает энергию, а требует времени и усилия. Фитнес обещает бодрость, а забирает пот и усталость. Ось оценки энергии работает здесь как валютная биржа: человек вкладывает силы сейчас в расчёте получить их больше потом.

И в здоровом случае он действительно получает. Пост может дать ощущение собранности, медитация — снизить тревогу, тренировка — улучшить сон. Обмен честный: вложено меньше, чем получено.

Но бывает и иначе. Паразитическая идея тоже обещает энергию, однако возвращает меньше, чем забирает. Человек всё больше постится, всё дольше медитирует, всё изнурительнее тренируется — а сил становится всё меньше. Он объясняет это собственным несовершенством: значит, мало стараюсь. И вкладывает ещё больше. Психиатры хорошо знают эту воронку по расстройствам пищевого поведения и по зависимостям. Идея-паразит удерживает человека не тем, что даёт, а тем, что обещает дать в следующий раз.

Экономисты называют один из механизмов этой воронки «частично потерянными затратами», по-английски sunk cost. В 1985 году психологи Хал Аркс и Кэтрин Бламер провели изящный опыт с театральными абонементами [38]. Часть

покупателей получила абонемент по полной цене, часть — со скидкой, причём никто из них об этом не догадывался. В первом полугодии заплатившие полную цену ходили на спектакли заметно чаще. Деньги давно были потрачены и не могли вернуться, но память о них продолжала толкать людей в театр.

Идея-паразит держится именно за эту память. Человек, отдавший двадцать лет движению, не взвешивает спокойно, что оно даст ему завтра. Он помнит, сколько уже заплачено. Уйти — значит признать, что двадцать лет ушли в песок, и потому каждый следующий год всё труднее предыдущего. Чем дороже прошлое, тем дороже выход. Разница между симбионтом и паразитом здесь не в цене. Симбионт дорог потому, что ценен. Паразит кажется ценным потому, что дорог.

Метаболический баланс

Отсюда следует самый практичный вопрос этой главы. Для любой идеи можно составить что-то вроде баланса: что она берёт и что отдаёт.

Симбионт отдаёт больше, чем берёт. Человек платит временем, вниманием, деньгами — но получает спокойствие, распорядок, поддержку, здоровье. Его жизнь от союза с идеей становится богаче.

Комменсал берёт немного и немного даёт. Это привычки и обычаи, почти незаметно живущие рядом с нами: постучать по дереву, загадать желание на день рождения.

Паразит забирает больше, чем отдаёт. Время, деньги, отношения, здоровье утекают, а взамен остаётся лишь обещание и страх его потерять. Хуже того, паразит умеет маскировать баланс. Он раздувает ценность того, что даёт, и обесценивает то, что забирает: «разве деньги важнее спасения?», «разве старые друзья важнее истины?».

Самый будничный пример такого баланса лежит у многих в кошельке — это клубная карта фитнес-центра. Экономисты Стефано Делла Винья и Ульрике Мальмендир изучили данные нескольких тысяч членов американских спортивных клубов [39]. Те, кто выбрал безлимитный абонемент примерно за семьдесят долларов в месяц, ходили в зал в среднем чуть больше четырёх раз. Каждое посещение обходилось им дороже семнадцати долларов, хотя разовый вход стоил десять. Люди платили не за тренировки, а за образ себя, который вот-вот начнёт тренироваться. Абонемент кормит идею здорового образа жизни деньгами, а вместо пользы выдаёт приятное чувство, что всё ещё впереди. Идея при этом вполне довольна: ей платят исправно, а требовать что-то взамен никто не собирается.

Бывает, что идея питается отношениями в самом буквальном смысле. Сетевой маркетинг предлагает человеку стать «независимым предпринимателем» и продавать косметику, витамины или коктейли для похудения. Первыми покупателями почти всегда оказываются родственники, друзья и коллеги — в отрасли это называют «тёплым рынком». Новичка

учат составить список из сотни знакомых и обзвонить каждого. В 2016 году Федеральная торговая комиссия США обязала компанию Herbalife выплатить двести миллионов долларов и перестроить бизнес: по данным комиссии, большинство распространителей зарабатывали очень мало или ничего, а часть теряла деньги [40]. Человек оплачивает товар из собственного кармана, а заодно расходует дружбы, превращённые в продажи. Через пару лет у него остаются коробки с товаром в гараже и знакомые, переставшие брать трубку.

Важно, что одна и та же идея может быть симбионтом для одного человека и паразитом для другого. Пост, помогающий одному собраться, другого загоняет в болезнь. Сообщество, поддерживающее одного, другого отрезает от всего мира. Поэтому метаболический баланс нельзя оценить раз и навсегда. Его приходится сводить для каждого носителя отдельно — и время от времени пересчитывать.

[Место для клинического наблюдения автора: пациент, у которого полезная практика — спорт, пост, духовная дисциплина — постепенно начала забирать больше, чем давать, и то, как в терапии удалось пересчитать баланс.]

Рецепторная карта: подписка на приложение для медитации. Рутина — ежедневная сессия, серия дней подряд. Оценка энергии — обещание спокойствия и сил. Статус — значки, счётчик минут, причастность к «осознанным». Страх и угроза — выгорание, тревога, стресс. Привязанность — знакомый голос ведущего. Референтная группа —

сообщество пользователей. Нормы — правильная практика, правильное дыхание. Пищевой рацион: внимание, время, ежемесячный платёж.

Голод

Вернёмся к Юлиану и его гусю. Почему Аполлон в Дафне голодал?

Потому что люди нашли себе другую пищевую цепь. Христианство предложило то, чего у олимпийской религии было мало: личную привязанность к Богу-Отцу, ясные нормы, общину, где о тебе позаботятся в болезни и бедности, и надежду на жизнь после смерти. Сам Юлиан признавал, что христиане заботятся не только о своих бедных, но и о бедных язычниках, и призывал жрецов следовать их примеру. Новая идея связывалась с теми же рецепторами, но кормила их лучше. Внимание, время и деньги потекли к ней. Олимпийские боги не были убиты. Их обошли на кормушке.

Голод — главная причина смерти идей. Не опровержение, не запрет, не гонения: гонимые идеи часто только крепнут. Идея умирает, когда в обмен на внимание и время больше ничего не может дать.

Голод может прийти и к вполне успешной современной идее. В начале 1960-х годов домохозяйка из Куинса Джин Нидетч, по её собственным словам, помешанная на печенье, стала собирать у себя дома подруг, чтобы вместе худеть. Каждую неделю они взвешивались, рассказывали, кто сорвался, и подбадривали друг друга. В 1963 году из этих

встреч выросла компания Weight Watchers. Члены платили взнос, приходили на еженедельное собрание, вставали на весы при всех и вели счёт съеденному в особых баллах.

Идея питалась сразу несколькими видами пищи. Деньги за абонемент давали ей ресурсы, а клиенту — причину не бросать. Еженедельное взвешивание кормило Рутину. Похвала группы и лёгкое смущение у весов работали через ось Референтной группы. Баллы превращали каждый перекус в маленькое решение, требующее воли. Десятилетиями миллионы людей отдавали этой идее время, деньги и самоконтроль, а взамен получали распорядок, поддержку и надежду.

Потом появились препараты нового класса, снижающие аппетит. Человеку, получившему рецепт, больше не нужно было считать баллы и делиться неудачами с соседями по кругу: аппетит снижался сам. Компания пыталась приспособиться — переименовалась в WW, обещала «здоровье, которое работает», купила сервис, где врачи по видеосвязи выписывали те самые препараты. Но главный корм идеи — ежедневное усилие воли, разделённое с группой, — стал больше не нужен. В мае 2025 года компания, обременённая долгами и потерявшая значительную часть членов, подала заявление о банкротстве.

Никто не опровергал её методов и не запрещал собраний. Подход Нидетч по-прежнему помогает тем, кому важна поддержка группы. Но рецептор, который он кормил, нашёл другую пищу, и пищевая цепь, державшая компанию шесть-

десят лет, оборвалась за несколько сезонов.

История компании любопытна и ещё одним. Сама Нидетч давно отошла от дел, а к тому времени, когда компания обанкротилась, о домашних собраниях в Куинсе помнили разве что старейшие члены.

Но идея не только берёт у среды. Она и сама её меняет — и иногда так сильно, что мир начинает подстраиваться под неё. Об этой двусторонней связи — следующая глава.

Глава 5. Коэволюция: идея строит свой мир

Большинство взрослых людей на Земле плохо переносит молоко. В детстве организм вырабатывает фермент лактазу, расщепляющий молочный сахар, но после отлучения от груди его производство постепенно сходит на нет. Так устроены почти все млекопитающие: взрослым молоко не положено. Однако у значительной части европейцев, а также у некоторых народов Африки и Ближнего Востока фермент продолжает работать всю жизнь.

Генетики выяснили, откуда взялось это исключение. Несколько тысяч лет назад люди одомашнили коров, коз и овец и начали доить их. В этих скотоводческих обществах мутация, сохранявшая лактазу у взрослых, давала огромное преимущество: лишний источник пищи, воды и жира в голодный год. Носители мутации выживали чаще и оставляли больше детей. За несколько тысячелетий мутация распро-

странилась по целым народам.

Задумайтесь над порядком событий. Сначала появилась идея — доить животных. Потом эта идея изменила среду, в которой жили люди. И только затем среда изменила человеческий геном. Культура переписала биологию.

Молоко — не единственный пример. У побережья Индонезии живут баджао, морские кочевники, веками добывающие еду нырянием без акваланга и проводящие под водой часы в день. В 2018 году группа Мелиссы Илардо сравнила их с соседним земледельческим народом [41]. Селезёнка — орган, выбрасывающий в кровь запас насыщенных кислородом эритроцитов при нырянии, — у баджао оказалась в среднем примерно в полтора раза крупнее, причём и у тех, кто сам не ныряет. В их геноме нашлись варианты, связанные с размером этого органа. Способ жизни, избранный людьми, стал отбирать тела, удобные для этого способа жизни.

Эта глава о том, как идеи не только приспосабливаются к миру, но и перестраивают его под себя.

Бобр и плотина

Во введении мы уже видели бобра. Он не просто живёт у реки, а перегораживает её, превращая поток в пруд. Меняются берега, растения, рыба и насекомые, и в этом изменённом мире будут расти бобрята следующих поколений. Биологи Джон Одлинг-Сми, Кевин Лаланд и Маркус Фелдман [42] назвали это конструированием ниши. Организм не только отбирается средой, но и сам создаёт среду, которая потом

отбирает его потомков.

Долгое время эволюционисты видели в среде неподвижные декорации, а в организме — актёра, который либо подходит к декорациям, либо нет. Теория конструирования ниши разрушает эту картину. Декорации строят сами актёры. Дождевые черви меняют почву, кораллы — океанское дно, а человек — почти всё на планете.

Идеи — самые мощные строители ниш на Земле. И здесь мы подходим ко второму сквозному закону книги: адаптация двусторонняя. Идея подстраивается под реальность, а реальность — под идею.

Маркс и Вебер: одна петля

В XIX и XX веках об этом спорили две великие школы мысли.

Карл Маркс утверждал, что бытие определяет сознание. Способ производства — как люди добывают пищу, кому принадлежат земля и фабрики — составляет базис общества. Религия, право, философия и искусство — надстройка, отражающая и оправдывающая этот базис. По Марксу, идеи подстраиваются под реальность.

Макс Вебер в 1905 году выпустил книгу «Протестантская этика и дух капитализма» [43] и предложил обратное направление. Кальвинистское учение о предопределении, писал он, породило особый тип человека — аскетичного, дисциплинированного, считающего успех в делах знаком избранности. Этот человек копил, а не тратил, вкладывал, а не

прожигал, — и тем самым построил капитализм. По Веберу, реальность подстраивается под идею.

Спор этот часто подают как противостояние. Но с точки зрения биологии перед нами не два ответа, а две половины одной петли. Бобр меняет реку, а изменённая река меняет бобров. Экономика порождает идеи, а идеи перестраивают экономику, порождающую новые идеи. Маркс и Вебер описывали одну и ту же коэволюцию, просто входили в неё с разных сторон.

Есть и современная попытка измерить эту петлю. В 2014 году психолог Томас Талхельм с коллегами опубликовал в Science исследование более чем тысячи китайских студентов [44]. На юге Китая веками выращивали рис, на севере — пшеницу. Рисовые чеки требуют общих каналов и согласованного труда всей деревни, а пшеничная семья вполне справляется сама. Студенты из рисовых провинций, даже никогда не работавшие в поле, мыслили целостнее, чаще ставили верность друзьям выше беспристрастности и рисовали себя на схеме своих связей меньшим кружком, чем студенты из пшеничных. В начале петли стоит технология — заливное поле, как у Маркса. Но дальше технология порождает нормы, нормы передаются детям и внукам и давно живут сами по себе, как у Вебера. Гипотеза остаётся спорной: критики указывают на климат, болезни и разницу в богатстве между севером и югом. Но она хорошо показывает, что линия между «бытием» и «сознанием» проведена условно.

Посмотрим, как работает эта петля на двух огромных исторических примерах.

Полисы и боги: идея подстраивается под мир

Древняя Греция никогда не была единым государством. Сотни независимых полисов воевали, торговали и соперничали друг с другом. У каждого был свой божественный покровитель: Афина у Афин, Гера у Аргоса, Аполлон у Дельф. Олимп с его вечно спорящими богами, каждый из которых отстаивал своих любимцев, удивительно напоминал политическую карту самой Греции. Раздробленный мир порождал раздробленное небо.

Но когда возникли огромные империи, такое небо стало неудобным. Многие боги — это многие центры силы, а значит, и многие соперники власти. Империям понадобилось единство не только на земле, но и над ней.

Первую попытку предпринял египетский фараон Эхнатон в середине XIV века до нашей эры. Он объявил единственным достойным поклонения богом солнечный диск Атон, закрыл храмы прежних богов и построил новую столицу. Реформа была слишком резкой, жрецы слишком сильны, а рецепторы народа слишком привязаны к старым богам. После смерти Эхнатона всё вернулось на круги своя, а его имя постарались стереть из памяти.

В Риме процесс шёл медленнее и вернее. В 274 году император Аврелиан, собравший разваливающуюся империю, возвысил культ Непобедимого Солнца и сделал его высшим

божеством государства. Константин в начале IV века ещё чеканил Солнце на монетах, но уже покровительствовал христианству. В 313 году Миланский эдикт уравнял христиан в правах с остальными. А в 380 году император Феодосий объявил никейское христианство обязательной верой для подданных, и к концу века языческие жертвоприношения были запрещены.

Одна империя, один император, один Бог. Политическая реальность вылепила идею по своему образу.

Большие боги: мир подстраивается под идею

Но петля работает и в обратную сторону. Психолог Ара Норензаян [45] выдвинул гипотезу, которую назвал гипотезой «больших богов». Небольшая группа охотников и собирателей может обходиться без надзора: все знают всех, и обманщика быстро выведут на чистую воду. Но как заставить сотрудничать тысячи никогда не видевших друг друга незнакомцев? Норензаян предположил, что решением стала вера во всевидящего бога, следящего за моралью и наказывающего нарушителей даже тогда, когда никто из людей их не видит. Такая вера делала людей честнее с чужаками и позволяла обществам разрастаться. Идея строила плотину, за которой могли вырасти большие государства.

В 2019 году в журнале Nature вышла статья, которая, казалось, опровергала Норензаяна. Группа исследователей во главе с Харви Уайтхаусом [46] обработала огромную базу исторических данных и пришла к выводу, что сложные обще-

ства появлялись раньше морализирующих богов, а не после. Получалось, что не идея строила государства, а государства порождали идею.

Но статью быстро подвергли разгромной критике. Оппоненты показали, что авторы трактовали отсутствие сведений о моральных богах как доказательство их отсутствия, а ведь от многих древних обществ просто не сохранилось нужных источников. В 2021 году Nature отозвал статью. Спор о том, что было раньше, продолжается.

Для нашей модели эта история поучительна. Вопрос «что первично — бог или государство» поставлен так же неверно, как вопрос «что первично — бобр или пруд». Морализирующие боги, по всей вероятности, и помогали обществам расти, и сами становились нужнее по мере их роста. Это та же петля, что у Маркса и Вебера, только на масштабе тысячелетий.

Как идеи перестраивают мир

Вернёмся к плотинам, которые строят идеи, и посмотрим на несколько из них.

Протестантское требование, чтобы каждый верующий сам читал Библию, привело к тому, что в Северной Европе стали учить грамоте почти всех, включая девочек. Через несколько поколений грамотность здесь далеко обогнала католический юг. А грамотное население — уже совсем другая среда для любых новых идей: газет, научных обществ, политических программ.

Грамотность перестраивает не только общество, но и сам мозг. Письменности всего около пяти тысяч лет — слишком мало, чтобы эволюция успела вырастить для неё особый орган. Нейробиолог Станислас Деан с коллегами сравнил на томографе взрослых жителей Португалии и Бразилии: тех, кто научился читать в детстве, тех, кто освоил грамоту уже взрослым, и тех, кто так и не научился [47]. У читающих участок левой височно-затылочной коры, служащий распознаванию зрительных образов, начинал откликаться на написанные слова, а реакция того же участка на лица немного слабела. Буквы теснили древние функции и занимали их место. Изобретение, сделанное шумерскими писцами ради учёта зерна, и сегодня перекраивает зрительную кору каждого ребёнка, которого отдают в школу. Идея построила себе нишу прямо в черепе своего носителя.

Монастырский распорядок требовал молиться в строго определённые часы, днём и ночью. Чтобы созывать братию вовремя, монастырям нужны были точные часы и колокола. Историк техники Льюис Мамфорд [48] считал, что именно монастыри приучили Европу жить по расписанию — задолго до фабрик и железных дорог, которым такая дисциплина понадобилась впоследствии.

Идея прав человека, родившаяся в кабинетах философов Просвещения, перестроила устройство государств, суды, школы, отношения между полами и поколениями. Люди, выросшие в изменённой ею среде, уже не могут представить

себе мир без неё. Это и есть конструирование ниши: идея создаёт мир, в котором её потомки чувствуют себя как рыба в воде.

Иногда идея строит нишу столь тонко, что носители сами не видят её работы. На Бали рисовые террасы поливаются по системе субак: вода стекает с вулканических склонов из села в село, а расписание полива и посева назначают жрецы водных храмов по ритуальному календарю. В 1970-е годы, в период «зелёной революции», международные консультанты сочли храмовые обряды суеверием и посоветовали крестьянам сажать рис как можно чаще, не дожидаясь жреческих дат. Урожаи сначала выросли, а потом на поля обрушились вредители и болезни риса. Антрополог Стивен Лансинг с помощью компьютерной модели показал, что храмовый календарь делал именно то, что нужно [49]. Соседние субаки сажали и убирали рис одновременно, и после уборки вредителям нечего было есть. Воды же при этом хватало всем, кто жил ниже по склону. Ритуал оказался системой управления экосистемой. Идея, изложенная на языке богов, десятилетиями перестраивала ландшафт и настроила его точнее любого инженера.

Бывает и наоборот: нишу верно строит ошибочная идея. Летом 1858 года Темза, куда лились стоки миллионного города, засмердела так, что занавески в парламенте пропитывали хлорной известью. Это лето вошло в историю как «Великое зловоние». Многие врачи тогда верили, что холеру

разносит дурной воздух, миазмы. Именно страх перед запахом заставил парламент за считанные недели одобрить проект инженера Джозефа Базалджетта: под Лондоном проложили перехватывающие коллекторы, уводившие стоки далеко вниз по течению [50]. Мембрана была неверной: холеру разносит не запах, а заражённая вода, как ещё в 1854 году показал лондонский врач Джон Сноу. Но канализация, построенная ради чистого воздуха, заодно очистила и воду. Когда в 1866 году в Лондон пришла новая эпидемия, сильнее всего пострадал восток города, где новую систему ещё не достроили. Плотина, построенная из неверных соображений, держит воду не хуже правильной.

Как идея перестраивает среду под себя, можно увидеть, просто выйдя на улицу. Сто лет назад городская улица в Америке принадлежала всем: по ней ходили пешеходы, играли дети, ездили повозки и трамваи. Когда в 1920-е годы автомобилей стало много и под колёсами стало гибнуть всё больше детей, общественное мнение было на стороне пешеходов. Историк Питер Нортон показал, как автомобильные клубы и производители переломили этот взгляд [51]. В ход пошло словечко jaywalker — примерно «деревенщина, которая шляется по мостовой где попало». Школьникам объясняли новые правила, полиция устраивала показательные штрафы, газеты печатали истории о беспечных пешеходах. За полтора десятилетия улица из общего пространства превратилась в дорогу для машин, а человек на мостовой — в

нарушителя. Потом под автомобиль перестроили сами города: пригороды без тротуаров, торговые центры с огромными парковками, шоссе сквозь старые кварталы. В такой среде машина из роскоши превратилась в необходимость. Идея построила нишу, в которой без неё уже невозможно жить.

Тот же путь прошла и совсем мирная идея — бегать для здоровья. В 1962 году тренер из Орегона Билл Бауэрман съездил в Новую Зеландию и увидел, как по паркам медленно бегают обычные горожане средних лет. Вернувшись, он выпустил книжку «Джоггинг», разошедшуюся больше чем миллионным тиражом, а заодно с учеником основал компанию, ставшую потом Nike. До этого взрослый человек, бегущий по улице без видимой причины, мог вызвать подозрение у полиции. Через полвека идея перестроила среду под себя: беговые дорожки в парках, городские марафоны с десятками тысяч участников, целая индустрия обуви, часов и приложений. И каждый новый бегун, выходя на утреннюю дорожку, попадает в мир, который сам зовёт его бежать.

Так идея, начавшаяся с одного тренера и тонкой книжки, стала частью городского ландшафта и больше не нуждается в проповедниках: среда агитирует за неё сама.

Иногда идея строит нишу так успешно, что её автор потом не узнаёт собственного детища. Венский архитектор Виктор Грюн, бежавший в Америку от нацистов, мечтал вернуть унылым пригородам жизнь европейского городского центра. В 1956 году под Миннеаполисом открылся построенный по

его проекту Southdale — первый крытый торговый центр с кондиционерами, двухэтажными галереями, фонтаном и кафе под стеклянной крышей. По замыслу Грюна, вокруг центра должны были вырасти жилые дома, школы, медицинские кабинеты, парки.

Вместо этого выросли парковки. Торговые центры начали строить по всей стране, рядом с шоссе, вдали от жилья, и они стали главной причиной ехать куда-нибудь на машине. Пригород окончательно перестроился под автомобиль, а улицы старых городов пустели, потому что покупатели уезжали за город. В 1978 году Грюн, вернувшийся к тому времени в Вену, заявил, что отказывается «платить алименты» за эти ублюдочные постройки.

Ниша, однажды построенная, продолжила жить без него. Целое поколение американских подростков выросло, проводя субботы в торговых центрах. Теперь, когда покупки ушли в интернет, многие центры пустеют, а их здания перестраивают под склады, больницы и колледжи. Плотина пережила реку, и бобры ищут ей новое применение.

Ловушка собственной плотины

У конструирования ниши есть и тёмная сторона. Мир, построенный идеей, может пережить потребность в ней — и превратиться в ловушку.

Идея, построившая свой мир, поддерживает его даже тогда, когда условия изменились. Институты, выстроенные под одну эпоху, продолжают работать в другой. Законы, рождён-

ные одним страхом, остаются в силе, когда страх давно прошёл. Люди живут в пруду, построенном их прапрадедами, и не задумываются, что река давно повернула в другую сторону.

Самую наглядную такую ловушку построили Великие равнины Америки. Во второй половине XIX века засушливые земли к западу от сотого меридиана считались непригодными для пашни. Но в 1870-е и 1880-е годы выдалось несколько необычно дождливых лет, и среди переселенцев, железнодорожных компаний и газетчиков разошлась идея: «дождь идёт за плугом». В 1881 году её сформулировал земельный спекулянт Чарльз Дана Уилбер: распаханная земля будто бы сама притягивает влагу. Идея была ложной, но работала безотказно: она заселяла прерию. Законы о гомстедах раздавали участки, во время Первой мировой войны цены на пшеницу взлетели, и тракторы распахали миллионы акров степной травы, чьи корни веками держали почву.

В 1930-е годы пришла засуха. Ветер поднял распаханную землю в воздух, и пыльные бури закрывали солнце от Техаса до Небраски. В «чёрное воскресенье», 14 апреля 1935 года, среди дня стало темно, как ночью. Сотни тысяч человек покинули равнины. Историк Дональд Уорстер назвал «Пыльный котёл» не столько стихийным бедствием, сколько плодом культуры, видевшей в земле прежде всего источник дохода [52]. Плотина, построенная идеей, держалась ровно столько, сколько шли дожди.

Ловушка бывает и совсем маленькой, и она лежит под пальцами у каждого, кто печатает этот текст. В 1873 году американский изобретатель Кристофер Шоулз продал оружейной компании Remington свою пишущую машинку. Буквы на её клавиатуре стояли в странном порядке: верхний ряд начинался с Q, W, E, R, T, Y. По распространённому объяснению, Шоулз разнёс часто встречающиеся пары букв подальше друг от друга, чтобы рычаги не сцеплялись при быстром наборе. Историки до сих пор спорят, насколько это верно, но в одном сходятся: раскладка отвечала нуждам конкретного механизма.

Дальше идея начала строить себе нишу. Школы машинописи учили печатать вслепую именно на этой раскладке. Конторы нанимали машинисток, умевших работать на ней, производители выпускали машинки под этих машинисток, а новые ученицы шли учиться тому, что требовали конторы. В 1936 году педагог Август Дворак запатентовал раскладку, на которой, по его расчётам, пальцы проходили гораздо меньший путь. Она так и не прижилась. Экономист Пол Дэвид назвал эту историю классическим примером зависимости от пройденного пути: выбор, сделанный когда-то по случайным причинам, закрепляется средой, которую сам же и создал [53].

Критики потом показали, что преимущества раскладки Дворака были преувеличены, и спор о ней не утихает. Но сама ловушка от этого не исчезла. Механических рычагов

давно нет. Нет сцепляющихся литер, нет пишущих машинок в конторах. А раскладка, рождённая ради железа XIX века, стоит на каждом ноутбуке и даже на сенсорном экране телефона, где у букв вообще нет механизма.

Мир, однажды построенный идеей, держит её крепче любой проповеди. Миллиарды пальцев выучены, учебники напечатаны, привычки закреплены. Переучиваться дорого каждому в отдельности, а выгода от перемены достанется лишь будущим поколениям. Плотина пережила реку, ради которой её строили, и всё ещё держит воду.

Похожих ловушек вокруг множество. Ширина железнодорожной колеи, напряжение в розетках, формат бумаги, время начала школьных занятий — всё это когда-то было выбрано по конкретным причинам, давно исчезнувшим, а теперь держится на миллиардах вложений и привычек.

В этом смысле коэволюция связана с тем, о чём мы говорили во введении, — со старением идей. Пока идея молода, она строит плотину, помогающую её носителям. Когда идея стареет, плотина продолжает стоять, но уже никого не кормит. Пруд зарастает тиной, а бобры по привычке чинят стену.

Рецепторная карта: протестантская этика. Нормы — главная ось: труд как призвание, честность в делах, бережливость. Статус — успех как знак избранности. Страх и угроза — неуверенность в спасении, которую нужно постоянно заглушать трудом. Рутина — дисциплина рабочего дня,

ежедневное чтение Писания. Референтная группа — община «избранных». Оценка энергии — энергия, не растраченная на роскошь, а вкладывают в дело. Привязанность — личные отношения с Богом без посредников.

От анатомии к истории

На этом заканчивается первая часть книги. Мы разобрали, из чего состоит живая идея: ядро, мембрана и иммунитет. Узнали, к каким рецепторам она прикрепляется в человеческой психике. Увидели, чем она питается и что отдаёт взамен. И убедились, что идея не просто живёт в мире, но и строит его под себя, а построенный мир, в свою очередь, перестраивает её.

Теперь пора проследить жизнь идей во времени. Как они рождаются? От кого происходят? Как передают наследство и как искажают его при копировании? Почему одни идеи обмениваются генами с соседями, а другие хранят чистоту крови? Следующая часть книги — о наследственности и изменчивости. И начнётся она с рождения.

Часть II. Наследственность и изменчивость

Глава 6. Рождение: стресс и мутации

Кишечная палочка живёт спокойной жизнью, пока ничто ей не угрожает. Она делится, аккуратно копируя свою

ДНК, и специальные ферменты-корректоры исправляют почти каждую ошибку. Но стоит бактерию серьёзно повредить — ультрафиолетом, ядом, антибиотиком, — как в ней включается аварийная программа. Учёные назвали её SOS-ответом. Бактерия начинает чинить разорванную ДНК и при этом подключает «небрежные» ферменты, копирующие генетический текст с ошибками. Частота мутаций резко возрастает.

На первый взгляд это безумие: в момент опасности организм сам ломает собственную программу. Но в этом безумии есть логика. Пока среда стабильна, точное копирование выгодно: то, что работает, лучше не трогать. Когда же старые решения перестают работать, выгоднее перебрать как можно больше новых вариантов. Большинство мутантов погибнет. Но среди тысяч ошибок может найтись одна, которая выживет там, где прежние формы обречены. Именно так, кстати, бактерии часто вырабатывают устойчивость к антибиотикам: недостаточная доза лекарства не убивает их, а подстёгивает к мутациям.

Кризис не просто убивает старое. Он рождает новое.

Скрытый запас изменчивости

Есть и другой механизм, ещё более поразительный. В 1998 году генетики Сюзанна Резерфорд и Сьюзан Линдквист [54] изучали у плодовых мушек белок Hsp90. Этот белок помогает другим белкам правильно сворачиваться и тем самым сглаживает мелкие дефекты. Пока он работает, многие му-

тации никак не проявляются: организм выглядит нормальным, хотя в его генах накопились отклонения. Но когда исследователи ослабили работу Hsp90 — а в природе это случается при перегреве и других стрессах, — у мушек внезапно проявилось множество странных признаков: изменённые глаза, крылья, ноги. Изменчивость существовала всё время. Стресс лишь снял с неё печать.

В обществе происходит то же самое. В каждом спокойном веке живут чудаки, мечтатели, еретики, у которых есть необычные мысли. Пока мир стабилен, их не слушают: старые идеи справляются, и новые не нужны. Но когда наступает кризис и привычные объяснения перестают работать, скрытая изменчивость вырывается наружу. Вчерашние маргиналы оказываются пророками.

Свежий пример все мы пережили сами. Слово telecommuting, «удалённая работа», придумал в 1973 году американский инженер Джек Нилз. Почти полвека идея жила на обочине: о ней писали футурологи, её пробовали отдельные компании, но большинство начальников считали, что работник, которого не видно, не работает. Весной 2020 года пандемия за несколько недель закрыла офисы. Экономисты Хосе Мария Барреро, Николас Блум и Стивен Дэвис подсчитали, что доля рабочих дней, проведённых дома, у американцев подскочила примерно с пяти процентов до шестидесяти [55]. Когда кризис отступил, она снизилась, но так и не вернулась к прежней: удалённая и гибридная работа ста-

ла нормой для миллионов людей. Технология существовала давно, мысль тоже. Не хватало стресса, который снял бы с неё печать.

Кризис 2008 года дал похожий пример. Осенью, когда рушились банки и правительства спасали их деньгами налогоплательщиков, неизвестный под именем Сатоси Накамото опубликовал короткую статью об электронных деньгах без банков и центральных регуляторов. Мечта о частных цифровых деньгах жила в среде программистов с 1980-х годов, и несколько попыток её воплотить ничем не кончились. Теперь у неё появился кризис доверия. В первый блок биткоина, созданный 3 января 2009 года, Накамото вписал заголовок лондонской газеты The Times за тот день: «Канцлер на пороге второй помощи банкам». Вчерашняя маргинальная идея родилась с готовой мембраной — протестом против системы, только что подорвавшей доверие к себе.

В личной жизни такие кризисы выглядят буднично. Развод, увольнение, переезд в чужую страну — и человек, двадцать лет не бравший в руки кисть, записывается в художественную студию, а убеждённый горожанин уезжает выращивать виноград. Знакомые удивляются: откуда это взялось? Но взялось оно не из пустоты. Мечта годами лежала в запасе, как скрытые варианты генов у мух из опытов Линдквист, и только потрясение сняло с неё печать. Кризис редко придумывает новое. Чаще он даёт ход тому, что давно ждало своего часа.

Именно поэтому психотерапевты осторожны с решениями, принятыми в разгар кризиса. Новая идея, родившаяся в такой момент, может стать спасением, а может оказаться очередным приступом паники в новой одежде. Отличить одно от другого помогает время: то, что выдерживает несколько месяцев спокойной жизни, скорее всего, действительно принадлежит человеку.

Осевое время

В 1949 году немецкий философ Карл Ясперс [56] обратил внимание на загадочное совпадение. Примерно между 800 и 200 годами до нашей эры в нескольких удалённых друг от друга цивилизациях почти одновременно появились мыслители, определившие духовную историю человечества на тысячелетия вперёд. В Китае — Конфуций и Лао-цзы. В Индии — авторы Упанишад, Будда и основатель джайнизма Махавира. В Израиле — пророки Исаия, Иеремия, Иезекииль. В Греции — Гераклит, Парменид, Сократ, Платон. Ясперс назвал эту эпоху Осевым временем.

Современные историки относятся к схеме Ясперса осторожно. Датировки расходятся, а в каждом регионе свои причины. Но само совпадение слишком заметно, чтобы его игнорировать. И если посмотреть на него глазами биолога, бросается в глаза одно общее условие. Почти везде эти мыслители появлялись в эпоху тяжёлого кризиса старого мира.

Китай периода Сражающихся царств раздирали непрерывные войны. Израиль был раздавлен Ассирией и Вавило-

ном, его храм разрушен, а народ уведён в плен. Греческие полисы переживали эпоху тираний, войн и колонизаций. А в долине Ганга в те же века шло то, что историки называют вторым рождением городов в Индии.

Долина Ганга: перегрузка осей

Представим себе северо-восток Индии V века до нашей эры. Ещё недавно здесь жили небольшие племенные общины, где все знали друг друга, а жизнь подчинялась вековым обычаям и ведийским ритуалам. Теперь всё меняется. Растут города — Раджагриха, Шравасти, Варанаси. Появляются первые монеты. Возникают крупные царства, Магадха и Кошала, поглощающие соседей. По торговым путям движутся караваны, купцы и ремесленники, люди из разных земель с разными богами. Старый уклад распадается.

В терминах Матрицы семи осей это означает перегрузку сразу нескольких рецепторов. Ось статуса: появляются новые богачи — купцы, которым нет места в старой иерархии, где на вершине стоят жрецы-брахманы. Ось норм: ведийские обряды, рассчитанные на деревенскую общину, плохо работают в городе, где соседи молятся разным богам. Ось страха: войны, эпидемии в тесных городах, неуверенность в завтрашнем дне. Ось референтной группы: человек, переселившийся в город, теряет родную общину. Ось рутины: привычный ритм деревенской жизни разрушен.

Старые идеи больше не кормят эти рецепторы. И тогда, как у бактерии в SOS-ответе, частота мутаций резко возрас-

тает.

Взрыв мутаций

В долине Ганга появляется множество странствующих аскетов — шраманов. Они уходят из дома, отказываются от имущества и ищут новые ответы. Вокруг каждого собираются ученики. Будда был лишь одним из многих.

Рядом с ним учил Махавира, основатель джайнизма, требовавший предельной аскезы и абсолютного ненасилия ко всему живому. Учил Маккхали Госала, глава адживиков, утверждавший, что всё в мире предопределено и человек ничего не может изменить. Проповедовал материалист Аджита Кесакамбали, уверенный, что после смерти от человека ничего не остаётся. Были скептики, отказывавшиеся отвечать на метафизические вопросы. Были те, кто проповедовал ритуальные самоистязания.

Это и есть взрыв изменчивости, вызванный стрессом. Десятки учений, десятки вариантов ответа на один кризис. И, как в природе, отбор оказался беспощаден. Адживики продержались больше полутора тысяч лет, но в конце концов исчезли. Материалисты остались лишь в цитатах своих противников. Джайнизм выжил, но остался небольшой религией. А учение Будды распространилось по всей Азии и дожило до приложений для медитации.

Почему именно оно?

Будда: старая мембрана, новое ядро

Здесь важно не повторять популярную ошибку. Будда не

придумал ни кармы, ни перерождений. Эти понятия уже существовали в Упанишадах и во всей индийской мысли его времени. Мембрана, через которую он говорил с миром, была унаследованной: колесо рождений и смертей, закон воздаяния за поступки, идеал освобождения.

Новым было ядро. Будда предложил не ритуал, не жертвоприношение и не веру в богов, а метод — практическую работу с собственным умом. Он учил наблюдать за дыханием, за ощущениями, за возникновением и исчезновением мыслей. Позднейшие комментаторы сравнивали его учение с врачебной схемой: болезнь — страдание, причина болезни — жажда, исцеление возможно, а путь к нему — Восьмеричный путь. Перед нами не столько откровение, сколько диагноз и лечение.

Но и в унаследованную мембрану Будда внёс мутацию, кажущуюся мелкой, а на деле изменила всё. В ведийской традиции карма означала прежде всего ритуальное действие: правильно совершённый обряд приносил правильный плод. Будда переосмыслил это понятие. В одной из бесед он говорит, что кармой называет намерение. Не обряд, а внутренний импульс, с которым человек совершает поступок. Одним сдвигом смысла карма перешла из руки жреца во внутренний мир каждого человека.

Для горожанина, лишённого общины и потерявшего доверие к брахманским обрядам, это оказалось точным попаданием. Учение Будды не требовало ни принадлежности к

касте, ни дорогих жертвоприношений. Оно предлагало общину — сангху, открытую для выходцев из разных сословий, ясный распорядок практики, облегчение тревоги и новый статус, основанный не на рождении, а на внутренних достижениях. Новое ядро связывалось сразу с теми рецепторами, которые старая идея перестала кормить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.